

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система»
Центральная городская библиотека
Инновационно-методический отдел

«Его душа рвалась на волю...»

Алшутов

Александр Яковлевич

(1935 - 1999)

Биобиблиографическое пособие

Сыктывкар, 2006

От составителей

У вас в руках пособие – дань памяти и уважения Александру Алшутову – Человеку и Поэту.

В издании «Его душа рвалась на волю...» представлены воспоминания коллег, стихи, посвященные памяти поэта, отзывы на его творчество. Указатель снабжен списком литературы, который включает и перечень произведений поэта. В издании помещены фотографии, любезно предоставленные его женой.

Открывает пособие автобиография, написанная поэтом в 1998 году и переданная нам Верой Владимировной, его женой, а также подборка стихов для тех, кто еще не знаком с творчеством А. Алшутова.

Прочтите, прочувствуйте и пусть у вас появится желание продолжить знакомство с поэтом.

Составители :

Главный библиограф Сыктывкарской
Централизованной библиотечной системы

Л.Н. Чупрова

Зав.инновационно-методическим отделом

И.В.Колегова

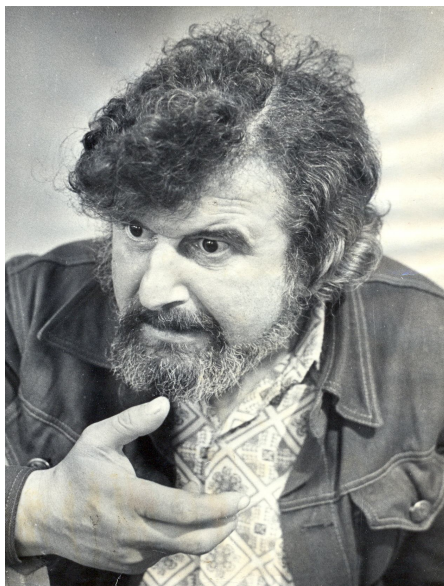
Компьютерная верстка –

Гл. библиотекарь инновационно-методического
отдела

Л.П.Муравьева.

**«Его душа рвалась на волю...»: Александр Яковлевич
Алшутов (1935-1999): биобиблиграфический указатель/ Центральная
городская библиотека. - Сыктывкар, 2006. - 72с.**

© Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система

Александр Яковлевич Алшутов (настоящая фамилия – Бейлин) родился 6 апреля 1935 года в Москве. Учился на ихтиологическом факультете рыбного института. В годы службы в армии был воздушным стрелком на дальнем бомбардировщике. После армии – шофер самосвала на строительстве Юго-Запада Москвы. С 1959 года живет на Дальнем Востоке, с рыболовецкой экспедицией ходит на промысел сельди и камбалы.

С 1967 года публикует поэтические произведения в центральной печати: журналах «Молодая гвардия», «Звезда», «Юность», «Сельская молодежь», газетах «Литературная Россия», «Неделя», «Литературная газета». Пишет популярную в 60-70-е годы песню «Проходит кавалерия».

С 1976 года живет в Республике Коми. Здесь он работал на телевидении, в издательстве, кочегарке, библиотеке поселка Верхняя Максаковка. По его творчеству видно, что он нашел здесь то, что близко ему как поэту: романтику белоснежных просторов и неброскую красоту могучих северных лесов. Много добрых строк посвятил он своему герою, умудренному опытом жизни, все понимающему человеку. Поэт известен в республике и как активный участник правозащитного движения.

А.Алшутов умер 12 февраля 1999 года.

Его произведения переводились на польский, японский, немецкий и другие языки. Сам он переводил на русский язык стихи коми поэтов В.Савина, И.Подорова, В.Попова, В.Тимина, А.Некрасова...

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Алшутов (Бейлин) Александр Яковлевич, родился в Москве 6 апреля 1935 г. на Арбате, в родильном доме имени Грауэрмана, так что меня можно смело отнести к детям Арбата, правда, более позднего поколения, чем герои известного романа Анатолия Рыбакова.

Мое детство прошло в Москве на Патриарших прудах в квартире моих родителей.

Мой отец, Бейлин Яков Львович, родился в 1907 г. в Гуляй-Поле, а позже жил в селе Борвенково неподалеку от тогдашнего Славянска. Учился он сначала в Славянском реальном училище, потом, после Гражданской войны, начавшейся после Октября 1917-го, завершив среднее образование и поработав слесарем по ремонту шахтного оборудования в Донбассе, поступил в Московский Авиационный институт им. Серго Орджоникидзе. После окончания института и защиты диплома занимал различные, порой весьма высокие должности и наркоматах Авиации и Оборона.

Накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. был директором издательства «Советская наука». В 1941 году добровольцем ушел на фронт, хотя имел «бронь», как номенклатурный работник.

За годы войны был дважды ранен: первый раз при освобождении Витебска, второй - при штурме Кенигсберга. Имеет боевые награды. Демобилизовался из рядов Советской Армии в звании инженера-подполковника.

После окончания войны был начальником редакционно-издательского отдела на первом в стране испытательном и научно-исследовательском военном автомобильном полигоне в г. Бронницы в 60 км от Москвы по Рязанскому шоссе.

Потом дослуживал до демобилизации в штабе Дальневосточного Военного округа на Сахалине в г. Южно-Сахалинске.

После демобилизации работал заместителем директора Сахалинского филиала Академии Наук СССР. Вернувшись в Москву, преподавал в Плехановке, а потом преподавал и был деканом во Всесоюзном институте повышения квалификации руководящих кадров промышленности, а потом был ученым секретарем главного научно-исследовательского института экономики (не знаю, как он тогда назывался точно и официально, помню только, что находился он на Таганке, а его директором была какая-то ученая дама).

Будучи на Сахалине, отец защитил кандидатскую диссертацию по энергетическому балансу Дальнего Востока, на основании которой создавалась единая энергосистема Сахалина.

В Москве он написал и докторскую диссертацию, но, уйдя на пенсию, защитить не успел.

Мой дед по отцовской линии - Бейлин Лев Маркович (в еврейской среде - Иосиф Лейо) дожил до 99,5 лет и до последнего дня своей жизни читал без очков на еврейском (идише), польском и, конечно же, и по-русски.

Он родился в глухом еврейском местечке под Витебском, но никогда не был верующим иудеем. В возрасте 12 лет он бежал из дома, некоторое время укрывался в семье своего старшего двоюродного брата – кантониста, который еще при императоре Николае I был призван в армию, как рекрут, на 25 лет службы, при императоре Александре II участвовал в русско-турецкой войне 1877-78 гг., был полным кавалером солдатского «Георгия», отличался невероятной физической силой; после окончания Русско -Турецкой войны работал кузнецом.

Потом, не вняв его уговорам вернуться домой, дед бродяжничал по югу России, работал помощником кочегара, а потом кочегаром на паровозе. В странствиях женился в Гуляй-Поле на моей бабке Еве Яковлевне, а после, успев побывать до этого в мальчиках-учениках у сапожника, и став классным мастером по модельной обуви, осел с бабкой и двумя, успевшим к тому времени родиться сыновьями, в г. Славянске, где создал собственную сапожную мастерскую-ателье и магазин модельной обуви, которым «командовала» бабка. Туфли, сработанные моим дедом, с успехом выставлялись в Будапеште и Вене.

Несмотря, на черту оседлости и 3% норму для евреев, поступающих в Высшие учебные заведения Империи, дал всем своим детям образование.

Его старший сын Моисей, будучи правым эссером, во время гражданской войны ушел с белыми и пропал без вести.

Его второй сын Мирон окончил медицинский факультет Дербского Университета и в 1941 году в звании полковника (четыре шпалы и каждой петлице - погон тогда в красной Армии еще не было) погиб при обороне Риги, только что ставшей частью СССР.

Третий сын Вениамин уже в Советское время закончил танковое училище, участвовал в военном конфликте при Халкинголе, получил там красивый монгольский орден из рук маршала Чайболсана, а потом, закончив бронетанковую Академию, сражался во время Великой Отечественной в армии, тогда еще генерала Рыбалко, а потом под командованием Черняховского. Окончил войну с Германией в звании генерал-майора и даже успел доехать до Манчжурии и повоевать с Квантунской Армией Микадо. Удостоен боевых наград, в том числе

Монгольской Народной республики и Польши, не считая советских орденов и медалей.

Моя бабушка по отцовской линии - Ева Яковлевна замечательна тем, что будучи родом из Гуляй-Поля, вскормила своей грудью Нестора Ивановича Махно, так как у матери Нести (моя бабушка иначе не называла Махно в своих воспоминаниях, что тогда крайне смущало моего папу, члена ВКП(б) и номенклатурного работника) не хватало собственного молока.

Моя мать - Эфишева Клавдия Михайловна родилась в 1907 году в Санкт-Петербурге. Её отец и мой дед по материнской линии, Михаил Федорович, был инженер-путеец.

Это был очень одаренный человек. Он хорошо рисовал на профессиональном уровне маслом и темперой, хотя не брезговал акварелью и сангином. Играл на виолончели.

Увлекался с юных лет техникой и изобретательством. Он в возрасте 18-ти лет построил себе деревянный велосипед с деревянными же спицами колес и с деревянной цепной передачей, на котором в течение двух лет безаварийно катался и ездил по своим юношеским делам.

Уже после рождения моей матери, он с головой увлекся авиацией, которая переживала в ту пору в России героический пионерский период.

В 1914 году его действующая модель (проброобраз сегодняшнего вертолета) демонстрировалась в Инженерном (бывшем Михайловском) Замке Санкт-Петербурга (переименованного по случаю войны с немцами в Петроград).

Об этих испытаниях была публикация в тогдашних газетах (кажется, Санкт-Петербургских или «Петроградских ведомостях»).

До начала I Мировой Войны он успел издать в Питере книгу - М.Ф.Эфишев «Почему птица летит и что её держит в воздухе».

Испытания в Инженерном Замке прошли успешно. На них присутствовали многие, ставшие потом известными авиаторы, фамилии некоторых из них есть в названной газетной публикации причем один из них был Игорь Сикорский.

Михаил Федорович умер в Петербурге, а вернее Петрограде, от голода и холода во время Гражданской войны.

Моя бабушка по материнской линии была из очень хорошей семьи (её предки упоминаются в отечественной истории с XV века, но поскольку, семья бабушки не очень одобряли её брак с разночинцем и то, что после венчания она взяла его фамилию, а также в силу своего собственного «смешанного» происхождения, я не хочу тревожить персонажей «Бархатной книги»).

Во время гражданской войны моя бабушка вместе с моей будущей мамой и её сестрами Валерией и Людмилой, находившимися ещё в догимназическом возрасте (моя мать уже училась в младших классах женской гимназии), спасаясь от разрухи и голода, оказались в городе Балашове, стоящем на прекрасной тогда ещё реке Хопёр.

Как и многие молодые женщины и девушки из хороших русских семей, моя бабушка во время Первой Мировой войны пошла сестрой милосердия в один из Петербургских госпиталей, освоила там медицинскую квалификацию фельдшера и во время войны (Гражданской) умерла под Балашовым на борьбе с холерой в холерном бараке в деревне Грязнуха. Перед этим умерла от холеры её младшая дочь Милочка.

Её сын Алексей - старший брат моей матери в 14 лет бежал на фронт. Попал к красным. Ему повезло - командиром его эскадрона оказался интеллигентный человек, бывший казачий офицер - Белоконь, а вместе с ним служил в этом эскадроне бывший гусарский корнет Володя Маковский, сын известного русского художника-жанровика.

Когда красные взяли Балашов и мой дядя отыскал своих сестер: мою мать и Валерию (гусарскому корнету определенно нравилась моя будущая мама). Была тогда зима, печи топили в тех краях кизяком; мать растапливала печи и рассыпала этот самый кизяк (сухой навоз, замешанный на соломе). Володя Маковский собирал с пола избы брикеты этого самого кизяка, как - будто это был шоколад. Вспоминал об этом эпизоде, и рассказывал о нем. Моя мать так славно и счастливо смеялась, что сегодня, только что написав эти строки, я снова слышу её смех и слезы наворачиваются мне на глаза.

Алексей Михайлович - материн брат и мой дядя, после Гражданской осел на Северном Кавказе, в Грозном. Поступил там в Грозненский нефтяной институт. Туда же он перевез из Балашова мою мать и её сестру Валерию. Позднее моя мать, также как её брат, поступила в Грозненский нефтяной институт, окончила его и защитила в нем диплом инженера-технолога по переработке нефти.

Её брат и мой дядя закончил институт раньше матери, так как был старше по возрасту и раньше в него поступил.

После окончания работал на нефтепромыслах (по профессии он был эксплуатационник, т.е. инженер-буровик), сначала на Северном Кавказе, во время Великой Отечественной осваивал Второе Баку (Татарстан и Башкирия). В армию его не взяли, так как в 1938 году он потерял на охоте кисть правой руки. В кузове грузовика произошел самопроизвольный выстрел из бескурковой двухстволки (Алексей, нарушая все правила техники безопасности, опирался правой рукой на ствол, и дробью ему снесло

четыре пальца кисти правой руки. Остался один большой палец).

К концу войны он был управляющим трестом Челекеннефтязакерит в Туркмении, так как был если не отцом, то одним из отцов советского азакерита.

Однокурсниками моего дяди по Грозненскому нефтяному институту были многие видные впоследствии ответственные нефтяники: Байбаков, Седин, Рябчиков...

Умер Алексей Михайлович в 1957 году, когда я был в армии. Ему, как и моей маме, я обязан бесконечной любовью к литературе и тем, что в незабвенные шестидесятые я активно участвовал в Правозащитном движении (мои близкие друзья - Петр Ионович Якир, генерал Григоренко Петр Григорьевич, Владимир Константинович Буковский (после профессор-биолог Кэмбриджского университета) и многие другие известные правозащитники.

Моя собственная жизнь складывалась пёстро и неровно.

Во время Великой Отечественной войны, когда мой отец был на фронте, я вместе с моей матерью оказался в эвакуации в Уфе, куда был эвакуирован наркомат нефти, где в это время работала моя мать. Тогда впервые я познакомился с Башкирией и попробовал кумыс. Там же я впервые научился ездить верхом на лошади. С тех пор во мне родилась любовь к Востоку, к потомкам воинов Чингиз-хана, к прекрасному поэту и соратнику Пугачева Салавату Юлаеву.

Вернувшись из эвакуации в Москву, в нашу застывшую от холодов и обворованную за время нашего отсутствия квартиру на Патриарших прудах, я начал учиться в 137 средней школе на Малой Бронной, но после окончания второго класса (тогда в первый шли с 8 лет) кончилась война и нас разделили на девочек и мальчишек, и я продолжал учиться в средней мужской школе до окончания 5 класса в 132 у Никитских ворот, а потом в 114 на Садовой, рядом с планетарием. После окончания 7 класса я уехал с отцом на Сахалин, хотя мне очень не хотелось расставаться с моей матерью. Наверное, именно благодаря ей, я стал писателем. С самого раннего детства она читала мне вслух прекрасные книги, даже при свете «коптилки»: в эвакуации тогда часто отключали электричество, энергетического сырья не хватало. И вообще моя мать сыграла в моей жизни ту же роль, что и мать героя романа Солженицына «В круге первом» (Я имею в виду мать Иннокентия Володина). Наверное, от неё я унаследовал комплекс правдоискательства и абсолютную нелюбовь к советизму.

На Сахалине я впервые встретился с Тихим океаном, который потом занял значительное место в моей судьбе.

В 1953 году я окончил заочно областную школу рабочей молодежи,

так как с середины восьмого класса начал работать. В 1953 году вернулся в Москву и поступил в Мосрыбвтуз им. А.И.Микояна, на ихтиологический факультет. Окончив его, я должен был стать мамологом - специалистом по морским млекопитающим. Кроме этой редкой профессии факультет готовил ихтиологов - рыбоводов в искусственных и естественных водоемах.

Учился я хорошо, на факультете работали замечательные преподаватели по определению тогдашних советских газет «проклятые вейсманисты и морганисты», т.е. генетики не согласные с мичуринской биологией в трактовке Д.Т.Лысенко, и изгнанные после знаменитой сессии ВАХСХНИЛ (сельхозакадемии). Из вузов и всевозможных НИИ, и старавшиеся найти работу в Москве, а также, оказавшиеся в аналогичном положении «безродные космополиты» - преподаватели с нерусскими фамилиями. Так, океанографию нам читал профессор Россолимо - итальянец, физику - русский немец Кульман (как его не сослали вместе с другими русскими немцами в Максаковку, для меня до сих пор загадка), химию преподавал русский поляк, профессор Рикшинский. Так вот, несмотря на то, что я учился хорошо, с III курса я и мой товарищ по институту Саша Виханский (теперь он ведущий кинооператор Монреальского телевидения в Канаде) ушли из института.

Нас угнетала общая атмосфера (например, после окончания II курса меня обсуждали на общеинститутском профсоюзном собрании, комсомольцем я не был, только за то, что я пришел на выпускной вечер в американском галстук, хотя институт был Рыбный, а на атласном галстук были изображены красочные экзотические рыбы). Я приобрел этот галстук когда-то, работая матросом III-го класса на грузовом теплоходе «Ванцетти», стоя на ремонте в Дайрэн доке (до русско-японской войны, обороны Порт-Артура и трагедии Цусимы Дайрон назывался Дальним и был русским торговым портом в Китае).

Когда я ушел из института, военная кафедра (были такие тогда в каждом ВУЗе, и после окончания института я должен был быть аттестован этой кафедрой морским офицером минной службы в запасе на случай войны) позаботилась о том, чтобы меня забрали в армию.

На флот я не попал, потому что срочно требовались люди для авиации, где вместо срока службы в четыре года его сократили до трех.

С 1955 до 1958 года я служил в 43-й Воздушной Армии старшим воздушным стрелком на стратегическом бомбардировщике.

Тогда я написал свои первые профессиональные стихи, а писать стихи начал в 5 классе.

В 1958 году, незадолго до демобилизации, мои стихи впервые напечатали и сразу - журнал «Юность».

После демобилизации работал в Москве шофером самосвала «МАЗ-205», участвовал в строительстве юго-запада Москвы, стадиона в Лужниках и обустройстве территории нового здания МГУ, возя грунт, песок, щебенку - «шару» и горячий асфальт.

В 1959 году я вновь уехал на Сахалин, работал в геофизических экспедициях рабочим и водителем сейсмостанции, сотрудничал и работал в Сахалинских газетах и Сахалинском книжном издательстве редактором - составителем альманаха «Литературный Сахалин» (успел выпустить три номера; он выходил ежегодно); ходил с сахалинскими рыбаками на промысел сельди, камбалы, морского окуня и тунца на СРТ (среднем рыболовном траулере); работал экскурсоводом в Сахалинском краеведческом музее...

Одновременно печатался в журналах: «Юность», «Звезда», «Сельская молодежь», «Смена», «Литературной газете», еженедельниках: «Литературная Россия», «Неделя», в журналах тогдашних союзных республик бывшего СССР и автономных также как на русском языке, так и в переводах на языки народов СССР. Переводили меня и печатали на русском (и продолжают до сих пор) и в дальнем зарубежье.

В «Литературной газете» впервые опубликовал мои стихи Булат Шалвович Окуджава, он заведовал тогда отделом поэзии.

Одновременно я много ездил по тогдашнему СССР. Работал некоторое время лесником, а фактически егерем и инспектором рыбнадзора и Астраханском государственном заповеднике. Ходил на парусной рыбнице матросом целую весеннюю путину по Каспию с астраханскими рыбаками (порт приписки Мумра). Очерк об этом «Подкова на палубе» опубликовал в журнале «Сельская молодежь», после чего меня взяли в него работать редактором - составителем книжного приложения к журналу.

Песни на мои стихи, написанные совместно с композиторами Вл.Шаинским, Ильей Катаевым, Алексеем Рыбниковым, Анатолием Елькиным, звучали с теле- и киноэкранов, выходили на звуковых страницах журнала «Кругозор» и грампластинках фирмы «Мелодия».

С начала 60-х годов активно участвовал в правозащитном движении. Близко знаком с Владимиром Буковским, ныне покойным генералом Григоренко Петром Григорьевичем, с Петром Ионовичем Якиром и многими другими известными и неизвестными очень достойными людьми, бескорыстно участвовавшими в этом святом деле. Так что пусть не врут коммунисты, что «апрельская революция» произошла по воле Горбачева сверху!

Хотя следует отдать должное Михаилу Сергеевичу как и его

идеологическому предтече Никите Сергеевичу Хрущеву.

С 1976 года живу в Республике Коми. Работал на Сыктывкарском телевидении и в Коми книжном издательстве.

Сейчас живу на пенсию и литературным трудом. Я автор четырех изданных книг, стихов: «Север и Восток», «Затяжной, прыжок», «Занесенные снегом», «Последние слоны Ганнибала».

У меня очаровательная жена - пианистка и очень славная дочка, которая в этом году поступила на филологический факультет Сыктывкарского государственного университета.

г. Сыктывкар, Максаковка, 1998

А. Алшутов

СТИХИ АЛЕКСАНДРА АЛШУТОВА

— 1 —

Нам, не надо быть перлами —
надо — неисторичными.
Чтобы не было перлами
все, что несёт творенье,
Каждый сам себе должен
создавать свой мир.
Мирно бы подвигались,
чтобы кому подарил он.
И не вернее показуиста
похвалам самым честным,
не робкого, не нахальства
что, да, зря неуживчиво
бесконечному кругу
всехмиренных питаний.
Будние дари дари
и в словах безразличия.
Слов случайных не меряет
поэзия охота.
Не занимайся в дедрах,
не обди в ази,
Чтобы стихи твои были
адекватно и вечно,
"не приноси хвост кошке",
"чтобы не сотворили".
А умирять — нестижно
никогда угодно.
Как не вестись нестижно
нагоизак — и утёба.

Вдохновение

Запах морской сирени.
Клочок пароходного дыма.
И рождается строчка.
И становится
чьим-то стихом...
Так проходит
прекрасная женщина мимо,
которая всем нам близка,
хотя с нею
никто не знаком.
1956 г.

Утро на Патриарших прудах

Отвергая древнее поверье,
Будто только перед смертью петь,
лебеди отряхивали перья,
и звенела в клювах песни медь.
Эта песня
с первобытной страстью
славила рассвет над головой.
Вот такое же
простое счастье
чувствует с рассветом
часовой.
А над мостовыми
было пусто.
Начинался новый
трудный день
безыскусно грубого искусства
жить, работать, петь
среди людей.
1958 г.

***

Я мыл до блеска
МАЗу рыло
по локоть в стынувшей грязи...
У магазина «МЯСО-РЫБА»
я туши мерзлые грузил.

И люди
                    мясо вырубали,
пытливо пробуя на глаз.
И выбрав,
                    щеки выбивали
у пулеметно быстрых касс.
Покуда двери не закроют,
таскал я туши.
                    Дотемна.
Я нес.
                    Я нес им
                                    мясо с кровью.
Но было всем не до меня.
Сновали люди торопливо
во власти кухни и стола.
В отделе,
                    где живая рыба,
они толпились у стекла.
Меня досада забирала.
Но, горло замотав шарфом,
я вновь садился за баранку.
Я был отчаянный шофер!
Давил на плечи
                    кузов полный.
Я гнал и гнал...
                    И тормозил.
Я до сих пор
                    отлично помню
тот
мясорыбный магазин.
                                    1959 г.

***

В той глуши,
                    где кровавая клюква
созревает в туманах болот,
до того запустело и глухо,
что глухарь
                    без опаски
                                    поет.

Распустив индюшачьи перья,
опустившись на мох
                свысока,
исторгает он
                странное пенье
ностальгией
                по давним векам.
Когда бледный
                глазастый убийца
не грозил продолженью семьи,
и давал бог
                деревьям и птицам
управлять
                всей Землею
                самим.

1985 г.

Кордон белых цапель
Ноне Ганской

Замшелый дым рассветных тополей
встает в окне забытого кордона.
О, как мне тяжело тобой болеть
так пасмурно, так пристально, так долго!
Наивным было, здравость торопя,
лететь стремглав в края охоты царской.
Я каждый день

встречаю здесь
тебя,

когда смотрю на тонких белых цапель.
Они нисходят из-за туч с утра.
Они подходят

к самому кордону.

Не знаю я, что их влечет сюда,
но цапли чувствуют себя со мной

как дома.

И мне приносят трепет длинных ног,
таких твоих, беспомощных и хрупких,
как будто ноги вспоминают ночь
и темные мои мужские руки.

Занесенные снегом

Жене моей - Вере.

Снег идет предсказаниям назло,
вознесен меж землею и небом.
И куда только нас занесло?
Мы с тобой - занесенные снегом.
Занесенные так,

как гуляк

непугевых

поземкой заносит...

И не выйти отсюда никак...
И никто о нас больше не спросит?!
Или так,

как неожиданный привет,
с почтой посланный вдаль голубиной,
вопреки силе мрачных примет
вдруг заносится в окна любимых?
Пусть возьмется об этом гадать
наделенный могуществом неким!
Да и то,

отгадает когда?

Мы с тобой - занесенные снегом.
Жили мы, не жалея себя,
не трясаясь над деньгой и талантом.
Нас с тобой разменяла судьба
на вот эти снежинки?

Да ладно!

Часто нам не хватало тепла,
хотя воздух насыщен был гарью,
и нередко с тобою до тла
не одни корабли мы сжигали.

Не жалею! Жили правильно мы.
И, впадая в позорную слабость,
мы не станем просить у зимы
свитки грамот охранных на славу.
Предназначена слава не нам.
Слава богу, решил я: бог с нею!
Тихо так,
что слышна

тишина.

Мы с тобой - занесенные снегом.
Эх, сюда бы теперь телефон
с ниткой провода длинной-предлинной!
Чтоб звук голоса плыл твоего
вдоль Арбата... над зимней Неглинной...
Чтоб над тем
заповедным столом,
точно гром
среди ясного неба,
вдруг послышалось в трубке:
- Алло!

Говорят
занесенные снегом.
И в ответ удивленно: - Алло?..
А метель в темноте
пребывает.
И становится так вдруг тепло,
Как во сне
только в детстве бывает.
1985 г.

***

Снежок заносит в белый стих
околыш.
Москва теряет лепестки
окошек,
поземкой бьется о панель
в падучей...
О, понимаю вас вполне,
пору чик.
Какая шалость? - Жалость, граф!

Простимся
Любая крупная игра
простится
за пистолет в пяти шагах –
навывлет!
Чтобы к подошве Машука,
как вылитый...
Как дождь. Как с Неба –
тем дождем. Как Демон!..
Судья нас ждет.
Судьба не ждет.
Не вскрикнет:
- Где он?!

1995 г.

***

И Пушкин был невыездным поэтом
(ОВИР тогдашний визы не давал),
Хоть Александр Сергеевич при этом
себя за эфиопа выдавал.
И, занесенный снегом, африканско –
российский Гений молча опочил:
не насладился ветром дальних
транствий,
оставив нам надолго свой почин.
Поэтому, когда грызут сомненья:
- Кому я нужен здесь, такой - сякой?
Вез жалких слов и тени самомнения
я думаю с улыбочивой тоской:
- Конечно, жаль, что не был я в
Париже...
что Вечный Город Рим не посетил...
И Мир невиданный становится мне ближе,
как будто всех на свете я простил.

1995г.

По поводу

Вы видели кинокартину
«Наполеон и Жозефина.?
Вернее - телесериал...

А я, смотря, переживал.
Герой. Злодей. Мыслитель. Гений...
Да, что там! - Сам Наполеон –
кумир мальчишских сновидений;
он был так искренне влюблен!
И, не стесняясь слез и писем,
в которых ревность, гордость, боль...
Сквозь Альп заснеженные выси,
сквозь Ад боев
в них был собой.
Нет, не позер, как у Толстого,
не монстр, не статуя - живой;
в плену страдания простого,
последний проигравши бой.
он находил в себе отвагу
излиться реками чернил
на сокровенную бумагу.
Да он - великий лирик был!
В нем жил поэт, себя не певший,
осуществившийся в делах.
Когда он через Веймар спешно
катил,
дорога привела
его не зря к порогу Гете,
которого не смог застать.
Какая, спросите, охота,
пропахши гаревом застав
Москвы завьженно-сожженной,
Ломиться в Иоганов дом?
Я думаю: все дело в том,
что за собой в поход Московский
он «Вертера» с собой возил.
И в отступленья диком скотстве,
- Поверите?! - хватало сил
Ему, храня роман бесценный,
читать тогдатошный бестселлер.

* * *

Когда он был еще во власти сна
и лепетал спросонья полуправду,
подробности ее,
подобно брату.
передавали так его черты,
как зеркало, наверх с морского дна,
как передаст роман их или повесть.
И возникал из них он смутно.

То есть,
чтоб был он - ты,
а вместе - и не ты.

Акварель

Какое яблоко прекрасное!
Зеленобеложелтокрасное.
Чуть отливает голубым...
и тронута росистой дымкой.
Оно - как вспышка фотоснимка,
слилось с мгновением немым.
Застыв невысказанной грустью,
чтоб вкусно кисло-сладко хрустнуть
...Живых чудес не ценим мы.
декабрь, 1993.

* * *

Пришел вчера один ко мне
и завопил: - Трансваль в огне!
Горит Нагорный Карабах,
бои в Нагорном Бадахшане...
вся Югославия - в гробах.
и сербов режут мусульмане.
Хорваты лупят мусульман,
а сербы - под шумок хорватов,
Как трагик, руки он ломал
и громко вопрошал: - Когда ты
такое мог вообразить

во времена Великой Дружбы?
С кого за это все спросить?
Кто наш святой Союз разрушил?
И где карающий солдат
Варшавопактских красных Армий?!
Кто виноват? Кто виноват?!
Я отвечал: - Пассионарность.
декабрь, 1993.

* **

Когда ты проиграл войну,
не надо плакать.
А плачь - так про себя,
вовнутрь,
как тонут флаги
в бою сраженных кораблей,
скрывая в море
надежд убитых колыбель...
Еще посмотрим,
как просмоленная бутылка
с письмом и картой
по горло из твоей беды
зажжет азартом
того, кто выловит ее
в шипящей пене
и, раскупорив,
вдруг поймет:
Ты не был пленным
Той старой карты.
Что она,
увы.
не бита!..
Познав стократно,
что война
тем не испита,
кому миллионом машет рук
толпа в триумфе.
И ступит вновь
на твой маршрут.
А ты?
Ты - умер. март, 1992.

Читая Иосифа Флавия

Владимиру Федорову

С тех пор прошло почти две тысячи
по меньшей мере лет из тех,
что убеждают нас: отыщутся
в огне любых библиотек
все книги, манускрипты, рукописи,
которые, нет, не горят.
а вопреки всей громкой глупости,
так интересно говорят,
О чем он думал, давний автор,
вперясь в таблицу или лист?
Навряд ли о далеком завтра.
Он, как сегодня журналист,
раскручивая гранок свитки
и от событий не остыв,
до нас донес, с чем сам не свикся,
конкретно, языком простым.
Участник, а не очевидец,
рисковый, страстный человек,
весь переполненный обидой
и горьким счастьем через верх.
Не только словом, а руками
он сам историю творил.
О, как друзья его ругали!
Как гордый враг его хвалил...
И только сам себе подсуден
и, собственную жизнь любя,
докапывался он до сути.
Не для тебя, а для себя.
Дымились городов останки.
Звенья цепями, шли в рабы
зелоты, шлюхи и крестьянки
Друзьями делались враги.
Он с ними пировал на равных,
путь императорам торил,
авансом наплевав заранее
на все сомнения твои.
Да, семисвечник изувечен

и осквернен святой алтарь.
А он - ревнитель истин вечных
с придворными, шутя, болтал.
И талес перешив на тогу,
на гладиаторских боях
единому молился Богу,
воздав языческим богам,
за то, что он почти патриций
и равноправный гражданин.
Три раза он успел жениться.
и римлянином вырос сын.
Под гул азартный гипподрома,
квадригой правя, как судьбой,
в столице Мира он, как дома,
со всеми был самым собой.
Конечно, он скорбел по Храму.
Но ведь не он разрушил Храм.
А памятников госохрана,
увы, не крепче всех охран.
декабрь, 1993.

* **

Домик мой становится утлым.
Принесу воды из колодца.
В темноте декабрьского утра
Дрова звонко будут колотья.
Стихи редко ко мне приходят.
Написать бы успеть прозу!
Не ласкает меня погода.
Сильно этой зимой морозит.
Захочу – растоплю печку.
Далеко мой родной город...
На том свете я вас встречу,
Потому что умру скоро.
1993 г.

Исповедь пароходною котла

Р.И.Пименову

Стараетесь теплом моим случайным
согреться,
как приبلудные котята?

И радуетесь...
Ну, а я скучаю.

Откуда знать вам,
кем я был когда-то?!

Я был горячим сердцем парохода.
И жар души

во мне пылал, как порох.

Поправ капризы штормовой погоды,
мне горы соли

было двигать впору.

Пульсируя,
передавал я силу
гигантскому коленчатому валу.

И капитан
над паникой крысиной

девятому
в лицо смеялся валу!

Мой голос плыл
над белыми ночами.

И город,
очарованный сиреной,
черемухой тянул ко мне причалы.

Я молодым тогда был,
современным.

На берег шли, сменившись, кочегары,
чтоб в золотых объятиях утопнуть.

Я тихо гаснул.
Стыла кочерга их

у ног
золотой подернувшейся топки.

Мне снились сны,
как, раскалясь,
под утро

я содрогну все тело парохода.

И крик истошный боцмана:
- Полундра!

Для запоздавших к новому отходу.

Не ведал я тогда судьбы бичёвой.

Баллада об оленьем батальоне

Не сказка это и не сон,
не ради славы и почета
ушел олений батальон
сражаться с берегов Печоры.
Не думая войти в стихи,
а просто:

        надо - значит надо,
из чумов вышли пастухи
и запрягли оленей в нарты.
Вот - зверобойный карабин,
вот - подотчетные гранаты...
Они ушли, не дав родным
на возвращение гарантий.
Ушли, не кончив мирных дел,
к любимым не прижавшись грудью,
живым, горячим строем тел
навстречу грохоту орудий.
Какой там ямб или хорей?
Какие стопы и размеры?!
Каюр крутил в руке хорей
катился топот до рассвета.
Не спотыкаясь груз везли
олени вдаль по скользким тропам,
и на краю моей земли
олени встали Кольским фронтом.
Всмотрись, у времени в тени,
едва заметны в маскхалатах
громить фашистские тылы
бредут полярные солдаты.
Их затерявшийся маршрут
согрет не женскими слезами,
а на снегу лишь

        там и тут
олений чуткими следами.
Звенела грозная пурга,
как крылья будущей победы.
Оленей гордые рога
той снежной музыкой отпеты.

Упав, припомни белый чум,
а в нем - детей, жену и маму...
Но, как,
    скажи,
        кровинку чью
им отыскать
        в полярных маках,
горящих каждою весной
над зеленеющей тундрой?
Как распроститься им с войной?
Со вдовым, бабьим горем трудным,
когда вдруг с ясных детских лиц
твои глаза на них посмотрят?
Как сделать, чтоб они смогли
забыть войну?
        Что сделать можно,
когда не сказка и не сон
все то,
        с тобой поем, о чем мы?!
Ведь был олений батальон!
Ушел олений батальон
с высоких берегов Печоры.
Где он,
        олений батальон?

***

Она придет, Большая Доброта.
Она придет,
        почти наверняка.
Как в море сталкиваются
        два борта,
Которые сплылись издалека.
Как в темноте
        встречаются два рта.
Она придет,
        Большая Доброта.
Она придет.
        Наверное придет.
Мне кажется, она уже бредет
по свежзамороженной земле

и кое-где свои права берет,
рождая неуверенность во зле.
и обращает этим зло в озноб.
Все это предвещает, в общем, зной.
И, попадая под колючий снег,
уже не ощущаешь больше дрожь,
поскольку снег - он тот же
теплый дождь,
но только
пребывающий во сне.
И чувствуешь,
любая боль прошла.
А не прошла,
хоть веришь, что пройдет.
Та доброта
ко мне уже пришла.
Быть может, и к тебе она придет?
1963 г.

Похороны писателя

Талант закапывали в землю,
воздав таланту по делам,
отметив за талантом зрелость,
припомнив всё, чем был талант.

А сам талант в гробу добротном,
отлично выбритый, лежал.
Застегнут наглухо, двухбортный
на нем покоился пиджак.

И золотом алмазной грани
себя от праха оградив,
тонули в бархате награды
с большой талантливой груди.

Их свет скользил вдоль смерти, мимо,
чтоб вечно помнил черный зал
все, что талант поведал миру,
всё то, что знал и не сказал,

чтоб в этом свете было легче
свой путь оценивать трезвей
всем, кто пришел прослушать речи
его талантливых друзей,

где между слов, в разрывах пауз,
вникая в скрытую в них глубь,
талант, казалось, улыбался
концами подведенных губ.
А после вез талант автобус
под взмахи верных постовых,
минуя будничные толпы
непосвященных и живых,
до той испытанной ограды
с ее величием простым,
где всем друзьям и всем наградам
звучит беззвучное «прости!»
Могила... Гроб...

На лицах – горе
застыло, как игра в замри.
И крышка.

И по крышке - комья
сырой, талантливой земли.

Черноморская элегия

Взрывная грусть читален и больниц.
Ко мне на грудь ложатся капли света.
Над Черным морем умирает лето,
белея гребнем парусной волны.

Под ветром наклонившийся баркас
как от врага бежит от горизонта,
и рулевой оглядывает зорко
неверный путь к надежным берегам.

А женщина уходит по песку.
Следы прибой стирает шаг за шагом.
Уходит навсегда она. Мне жалко,
что я за ней уже не побегу.

Ретроспектива

Я шоферил когда-то в этом городе. Мне вспоминаются без гордости те дни извозного труда. Спросонья я под краном горбился на тесной кухне в пять утра. Рассвет неощутимым заревом мутил морозное стекло, и, не всегда успев дозавтракать за оклеённым столом, я шел.

Волок меня трамвай за сто продутых остановок. Продуктом жирным пах товар спешащих на базар торговков. Но голод я не замечал. Я книжку Слуцкого читал, как лошади куда-то плыли, и про уснувший зоопарк... Мне тоже спать хотелось сильно. Но ждал набыченный завгар.

И вечно юная диспетчер, не обращая головы, путевку мне - гонцу Москвы вручала срочною депешей туда, где Ленинский проспект лежал, еще едва намеченный. И я летел, спеша поспеть (ведь мы работали на сдельщине).

В пути голосовали бабы. Вдыхали тяжело тормоза. И я, с досадой скорость сбавив, вставал, в кабину их сажал. ...Совала баба мятый рубль (теперь дают, наверно, гривенник?). Я, гордо опершись на руль, не брал, казался ей наивным. И вдруг застенчиво, как просьба, звучало полное добра:- Возьми, шофер, на папиросы?! Смутился я душой и брал. Поспешно нажимал на газ - машина, дернувшись, летела. Моя затекшая нога, потом рука, потом все тело послушно растворялись в скорости, срастались с двигателем, мчались, и сообщали мне раскованность того, действительного счастья:

Была дорога позади, и впереди была дорога. Я был свободен. Был один. Я колесом пространство трогал. Крутился кинофильм шикарный за взмокшим ветровым стеклом. Мой мазик широкоэкранный летел, озвученный стихом. Нет, строчки я не бормотал. Они во весь звучали голос. Была в них страсть и доброта, и неприкаянная скорость.

Я их писать не успевал. Я уставал в то время очень. Настолько сильно уставал, что не писал, а спал я ночью. Ночами мог я жить без них. Инерция другой работы иные мне дарила сны: шоссе... аварии... ремонты... Я в них спидометр крутил (ведь «МАЗ» наездил много меньше, чем записал в путевке сменщик. Что делать?- Был я не один.) Я думал в этих самых снах о том, как мне быстрее доехать, а не о том, что вся Москва когда-то кирпичом и лесом вот так вмещалась в самосвал и даже - в конную телегу...

Льдина

Она была зеленой.
Она была соленой.
Она была мокрой.
Она была морем.

О, как она звонко пела!
Но стала от холода белой.
Над морем – горою выросла,
а самая соль – вымерзла.
Плывет недопетой песней:
лед
даже морской –
пресный.

***

Взять пистолет и в сердце выстрелить.
И лбом на твердый стол упасть...
Как сильно это надо выстрадать,
чтоб в сердце в темноте попасть?!
Ведь промахнуться между ребрами,
как заблудиться в трех соснах...
- Не осуждайте!
Будьте добрыми,
себя живыми осознав.

Памяти Игоря Талькова

С тобой знаком я не был лично.
Но, видит Бог, -
ты не был лишним
в моей изломанной судьбе.
Я твой свинец
в самом себе
предательский и смертоносный
въявь ощущаю болью острой.
Как будто не тебя – меня
подонки жалкий разменял
согласно тайной директиве

тех дефективных детективов
с приплюснутыми к носу лбами
уставом свергнутой Лубянки.

***

Как все-таки трудно быть
Цезарем,
не теряя живого лица.
Надо шкалу всех ценностей
перетрясти до конца.
И выбрать из них такие,
без которых тебе нельзя.
Пусть выбирают другие
враги твои или друзья.
А ты – из уже отобранных
от большинства откажись.
Сенатом они одобрены?
Без них обойдусь! – скажи.
Будь для других доступен,
хоть этих других умней.
Но правды с лестью не спутай!
И в нужный момент сумей,
не было как бы жалко
свою дорогую жизнь,
встать под удары кинжалов,
себе приказав: - Держись!

Комната

Г.Невскому

Жил в этой комнате мечтатель и мудрец.
Пройдут года,
о нем еще вы вспомните!
На всех на нас
с улыбкой он смотрел
из этой, недоступной взглядам, комнаты.
На тринадцати метрах квадратных,
посреди коммунальных удобств,
Вопреки безопасным стандартам

строил он удивительный дом.
Населяя его именами
на обложках любимых им книг,
он, привычек своих не меняя,
жил, как равный,
как брат среди них.
И, хотя он нередко был первым
в том, что создал,
отрекшись от сна,
он не знал Государственных премий
и признания, в общем, не знал.
Но зарядами бодрости скрытой
над невзгодами
и над враньем
проникал в эту комнату с крыши
жизнестойкий мотив воробьев.
Как-то раз без озлобленной ругани
он растаял вот в этих дверях.
Он оставил в столе свою рукопись.
Только кто-то ее потерял.

1970 г.

СТАТЬИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ АЛЕКСАНДРА АЛШУТОВА

«Было много нас – стало мало...»

Он никогда не был своим среди чужих. Он был многим неудобен, так как ценил искренность и патологически ненавидел фальшь, кокетство, цинизм, лесть. Поэтому любил все надежное, сильное, настоящее. Как облака, автомобильный мост, выстрел... Он и сам был очень настоящим, этот потомок древнего рода Галициных. Последний «слон» Ганнибала.

... Было много нас - стало мало.

На дороге сражений алых

Мы - последние слоны Ганнибала...

На Краснозатонском кладбище его могилу отыскать нелегко. К стандартному деревянному обелиску за ленточку прибит венок. Чтобы не уволокли мародеры.

Друзья-художники обещают нынешним летом установить на могиле поэта надгробный барельеф. Коллеги по цеху молчат. Впрочем, забвение при жизни куда страшней. Не знаю, что бы сейчас сказал он им при встрече. Хотя...

...За все судьбу благодарю.

За миг рождения и старость.

За позднюю мою зарю,

Когда так мало жить осталось.

Спасибо рекам и морям,

которые меня качали.

Всем тем спасибо, кто меня

помянет, может быть, с печалью.

А нет - спасибо и на том.

И, да поможет им Спаситель!

Как гость, не застегнув пальто,

Я вымолвить спешу: «Спасибо».

Александрова М. «Было много нас - стало мало...» / Марина

Александрова // Дым Отечества. - 2001. - 21 апр.

«Он не умер, он немножко задремал»

***Накануне вечера памяти Александра Алшутова неожиданно
пошли его наручные часы***

12 февраля в музее истории просвещения Коми края прошел вечер памяти поэта Александра Алшутова. Четыре года назад в этот день его не

стало, но в памяти друзей и родных он всегда жив.

«Он не умер, он немножко задремал», - выразил общее настроение художник Геннадий Дмитриев. А Глава РК Владимир Торлопов, хорошо знавший Александра Яковлевича по жизни в Максаковке, вспоминал, как поэт когда-то угощал его спиртом: «Это было во второй раз в жизни, когда я пил спирт». При первом знакомстве поэт поразил его нестандартностью мышления и наивностью: «многие мои друзья отличаются нестандартностью мышления благодаря Алшутову». Сам Александр Алшутов смог снова поговорить с друзьями - был показан получасовой фильм, снятый при его жизни, в котором поэт рассказал о своем знакомстве с Булатом Окуджавой. Познакомились они в пятидесятых годах в Москве. Молодой поэт Алшутов в поисках денег на бутылку пытался продать томик стихов Пастернака. И его случайным покупателем оказался Окуджава. Правда, Пастернака Окуджава так и не купил - такая книга у него уже была. Ксения - дочь Александра Яковлевича - рассказала мистическую историю, случившуюся накануне вечера. Давно остановившиеся наручные часы ее отца вчера неожиданно «ожили» и пошли, когда с магнитофонной записи зазвучал голос поэта. Казалось, что он сам незримо завел их. Может быть, поэты действительно не уходят совсем, а остаются в своих стихах с теми, кто их помнит и любит.

Артеев А. «Он не умер, он немножко задремал»: Накануне вечера памяти А.Алшутова неожиданно пошли его наручные часы.../ А.Артеев // Молодежь Севера. - 2002. - 14 февр.

Его душа рвалась на волю

(О жизни и творчестве поэта Александра Алшутова)

Однажды Арсений Тарковский написал: «К родной поэзии мы привыкаем исподволь...» для меня поэт Александр Алшутов - не просто друг, несмотря на значительную разницу в возрасте, он первый профессиональный поэт, который прочел мою самую первую, неумелую и неуверенную рукопись стихов. Это было почти двадцать лет назад. Я наизусть знаю некоторые его стихотворения, для меня «живая», не книжная поэзия, началась именно с него.

И вот я держу в руках последний посмертный поэтический сборник Александра Алшутова, выпущенный в свет творческим объединением «Акварели» в Санкт-Петербурге тиражом в пять тысяч экземпляров. Называется он «Последние слоны Ганнибала». Отрадно мне его было открывать не только потому, что состоялась встреча с настоящей поэзией, но и потому, что наряду с посвящениями поэтическими таким

знаменитым людям, как Сергей Добряков, Май Митурич, Булат Окуджава, есть строки, посвященные и мне, которые воспринимаю как напутствие большого поэта нам, молодым:

Нет, не надо быть первыми
надо - неповторимыми.
Чтобы не было прервано
все, что честно творим мы.
Каждый сам себе должен
создавать свое имя.
Только Бог подытожит,
что кому подарил он.
И не верьте, пожалуйста,
похвалам самым лестным.
Не ропщите, не жалуйтесь.
Что, мол, зря неизвестны
бесконечному кругу
восхищенных читателей.
Будьте дороги другу
и в словах обязательны.
Слов случайных не терпит
поэта язык.
Не запутайтесь в дебрях,
не освоив азы.
Чтоб стихи твои были
абсолютно твоими,
«Не пришей хвост кобыле»,
чтобы не сотворили.
А учиться - не стыдно
никогда у любого.
Коль живется не стыдно,
натошак - и учеба.

Александр Яковлевич Алшутков - один из крупнейших русских поэтов не только Республики Коми, но и России. Он работал корреспондентом газет, на телевидении, в Коми книжном издательстве, библиотекарем, сам издавал газету. Стихи А. Алшуткова выходили в свет в журналах «Звезда», «Сельская молодежь», «Юность». Он автор поэтических сборников «Север и Восток» (1981), «Затяжной прыжок» (1987), «Занесенные снегом» (1990), «Последние слоны Ганнибала» (1997).

Каждый, кому дорога поэзия, внимательно прочитав его книги, поймет, что творчество этого поэта заслуживает признания более широкой

аудитории, чем мизерные, для масштаба личности Алшутова, тиражи его поэтических сборников. А писали у нас в республике о поэте непростительно мало. В энциклопедии Республики Коми вы не найдете о нем статьи, будто и не жил Александр Яковлевич здесь, не работал. Писали только друзья, рецензируя выходившие так редко в свет его книги. Владимир Блинов, например, выплеснул из себя замечательную рецензию на сборник стихов «Север и Восток» под названием «Страсть и доброта». Поэт при жизни был слишком неудобен, слишком порой пьян и слишком умен и язвителен. Он и на склоне лет так и не сумел стать «придворным» поэтом.

Доктор филологических наук, литературовед В.Демин так пишет о творчестве поэта: «А.Алшут - поэт, ставящий жизнь выше всех красот, которые есть в мире. Жизнь - нечаянная радость, которую должно благодарить за то, что есть она и подарила счастье познания». С этим трудно не согласиться. А вот и поэтическое подтверждение выводам В.Демина:

Спасибо, добрый человек,
За огонек дрожащей спички.
Спасибо, собутыльник - век,
За то, что до конца не спился.
Спасибо, женщины мои,
За то, что вы меня любили.
Спасибо, чернозем земли,
За скорый запах белых лилий.

Стихи Алшут - это стихи о ценностях истинных, о смысле жизни в общечеловеческом масштабе. Он обостренно воспринимает жизнь и откровенно выплескивает свои чувства на страницы своих поэтических книг:

Когда ты проиграл войну,
Не надо плакать,
А плачь - так про себя,
Вовнутрь,
Как тонут флаги
В бою сраженных кораблей...

А.Алшут - поэт отзывчивой памяти, переводчик близких ему поэтов. Так, ему принадлежит один из переводов знаменитого «Мерани» Н.Бараташвили, прекрасные переводы коми поэтов В.Савина, В.Тимина, А.Некрасова.

В сборнике «Последние слоны Ганнибала» поэт обращается в своем творчестве к осмыслению истории человечества. И в этом помогает ему

обращение к конкретным историческим персоналиям: Цезарю, Ганнибалу, Иосифу Флавию, Луцию Сервию Катилине, Катуллу, Наполеону...

Для меня поэзия Александра Алшутова всегда была и будет родником с неиссякаемой живительной влагой для души и сердца. Его богатый поэтический мир, на мой взгляд, стал ярким явлением в литературе России.

Александр Яковлевич Бейлин (Алшутув) родился в Москве 6 апреля 1935 года на Арбате в родильном доме имени Грауэрмана, так что его можно смело причислить к детям Арбата, правда, более позднего поколения, чем герои известного романа Анатолия Рыбакова.

Его раннее детство и отчасти отрочество и юность (во многом фрагментарно, так как были перерывы, связанные с длительными отъездами из Москвы в годы Великой Отечественной войны в период эвакуации, да и позже в связи со служебными перемещениями отца) прошли в Москве, на Патриарших прудах, в квартире родителей.

Отец Алшутова, Яков Львович Бейлин, родился в 1907 году в Гуляй Поле, а позже жил в Борвенково, неподалеку от тогдашнего Славянска. Учился сначала в Славянском реальном училище, потом, после гражданской войны, начавшейся после Октября семнадцатого, завершив среднее образование и поработав слесарем по ремонту шахтного оборудования в Донбассе, поступил в Московский авиационный институт имени Серго Орджоникидзе. После окончания института и защиты диплома занимал различные, порой весьма высокие должности в тогдашних наркоматах Авиации, Оборона и в других, связанных с созданием авиации учреждениях и НИИ.

Накануне Великой Отечественной войны 1941-45 годов работал директором издательства «Советская наука» АН СССР.

В 1941 году ушел добровольцем на фронт, хотя у него, как у представителя тогдашней номенклатуры, была бронь, и никто его насильно на фронт не гнал.

За годы войны был дважды ранен. Первый раз при освобождении Витебска, второй - при штурме Кенигсберга. Имеет боевые награды.

Демобилизовался из рядов Советской Армии в звании инженер-подполковника, дослуживая в Дальневосточном военном округе в только что возвращенном после войны с Японией Южно-Сахалинске.

После демобилизации работал заместителем директора Сахалинского филиала отделения Академии наук СССР.

Вернувшись в Москву, преподавал в Плехановке, а потом преподавал и был деканом, а затем ученым секретарем во Всесоюзном институте повышения квалификации руководящих кадров промышленности,

располагавшемся тогда в районе Таганки и Павелецкой.

Ученую степень кандидата, а потом доктора наук защитил по единой энергосистеме Сахалина, а потом и всего Дальнего Востока.

Дед поэта по отцовской линии, Бейлин Лев Маркович, дожил до 99,5 лет и до последнего дня своей жизни читал без очков. Он родился в глухом местечке под Витебском. В двенадцатилетнем возрасте его повседневно-привычная жизнь резко изменилась. Он играл на улице вместе с соседскими мальчишками. Соорудив луки и стрелы, затеяли очень опасную забаву. Один стрелял из лука вверх, а следующий за ним должен был поймать пикирующую стрелу из-под неба и стрелять сам. Лева стрелу поймал, а, когда выстрелил сам, следующий за ним мальчик этого сделать не смог, и стрела воткнулась ему прямо в глаз.

Пострадавший побежал домой, а его родители вместе с ним - к священнику. Тот рассудил по Ветхому Завету:

- Око за око... Тому, кто стрелял, нужно тоже вынуть глаз.

Родители спрятали мальчика у его двоюродного брата, который был гораздо старше по возрасту, отслужил в армии 25 лет. Прошел в действующей армии всю русско-турецкую войну 1877 года. Был полный кавалер солдатского ордена Святого Георгия. Он определил будущего деда поэта Алшутова, которому в ту пору было немногим больше десяти лет, учеником кочегара на паровозе. Железные дороги в России тогда переживали небывалый подъем.

Молодой человек помощником, а потом кочегаром объездил весь юг России, осел в городе Славянске, где освоил ремесло сапожника. Причем настолько толково, что когда он действительно стал мастером, сшитые модельные туфли и сапоги, которые он стачал своими руками, выставлялись в Вене и продавались не только в России, но и во многих городах Восточной Европы. К тому времени Лев Маркович уже владел сапожным ателье. Имел двухэтажный каменный дом, где на втором этаже он жил с семьей, а на первом - располагались магазин изготовленной в его ателье обуви и производственные мастерские, окна которых выходили на просторный двор с хозяйственными постройками и старыми могучими деревьями каштана, шелковицы-тутовника, грушами, яблонями, вишней. Всем своим детям он дал высшее образование.

Его старший сын окончил Тартуский университет, стал юристом. Перед октябрьским переворотом вступил в партию эсеров и во время гражданской войны, будучи правым эсером, ушел с белыми. Когда Добровольческая армия вошла в Славянск, его следы затерялись в круговороте тех лет.

Второй сын, окончив медицинский факультет того же Тартуского

университета, в 1941 году погиб в первые дни Великой Отечественной войны в Прибалтике, будучи к тому времени полковником медицинской службы.

Третий сын во время Гражданской войны попал к красным. После ее окончания пошел в танковое училище. Командиром танка сражался под Халхин-Голом, за что получил не только боевой орден Красной Звезды, но и монгольский орден из рук тогдашнего лидера МНР маршала Чойбалсана. Прошел он и всю Великую Отечественную, а окончил ее в звании генерал-майора в уже побежденной Германии.

Интересно, на мой взгляд, упомянуть и бабушку поэта Алшутова по отцовской линии Еву Яковлевну.

Будучи уроженкой Гуляй-Поля, она жила по соседству с семьей, где родился Нестор Иванович Махно - анархический лидер украинских крестьян. У матери Махно было плохо с грудным молоком. И Ева, имея собственного сына-младенца, выкормила Махно своей грудью. Иначе, как Нестя, она никогда его не называла в своих очень интересных и ярких воспоминаниях, чем очень смущала отца поэта, члена ВКП(б), в те времена, когда сажали не только за то, что батька Махно - твой молочный брат.

Мать Александра Алшутова, Эфишева Клавдия Михайловна, родилась в 1907 году в Санкт-Петербурге. Ее отец Михаил Федорович был инженером-путейцем, человеком очень одаренным. Он хорошо рисовал (на профессиональном уровне писал маслом, тамперой, акварелью), играл на виолончели. Увлекаясь с юных лет техникой и изобретательством, в возрасте восемнадцати лет построил себе велосипед из дерева (каждая деталь вытачивалась из самшита), на котором в течение полутора лет безотказно катался и ездил по своим юношеским делам. Уже после рождения Клавы он увлекся авиацией, которая переживала в ту пору в России свой героико-пионерский период.

В 1914 году его действующая модель, прообраз сегодняшнего вертолета, демонстрировалась в Инженерном замке Санкт-Петербурга. Об этих испытаниях была хвалебная публикация в тогдашних питерских газетах, в них указывалось, что на демонстрации действующей модели, которая без разбега, с места поднималась в воздух, набирая высоту, ложилась на задний курс и также плавно садилась в заданную точку, присутствовали многие тогдашние авиастроители, в том числе и Игорь Сикорский.

До начала первой мировой войны Михаил Федорович успел издать в Санкт-Петербурге книгу: М.Ф.Эфишев «Почему птица летит, и что ее держит в воздухе». Он умер от голода и холода в Петрограде во время гражданской войны.

Бабушка поэта по материнской линии была из очень хорошей семьи, ее предки упоминаются в отечественной истории с XV века. Но, поскольку семья бабушки не очень одобряла ее брак с разночинцем и то, что после венчания она взяла его фамилию, Александр Алшутков в своих воспоминаниях избегал тревожить персонажей «Бархатной книги».

Во время гражданской войны его бабка с его матерью (естественно, будущей), тогда гимназисткой, и ее младшими сестрами Валерией и Людмилой, спасаясь от разрухи и голода, оказались в Балашове, городе, стоящем на реке Хопер.

Как и многие молодые женщины и девушки из хороших русских семей, бабушка во время первой мировой войны пошла сестрой милосердия в одну из петроградских больниц, превращенную в госпиталь, освоила там медицинскую квалификацию фельдшера и во время гражданской войны умерла под Балашовым на борьбе с холерой. По зову совести пошла фельдшером в холерный барак в деревне Грязнуха.

Перед этим умерла от холеры ее младшая дочь Людмила, а ее сын Алексей (старший брат матери поэта) в возрасте четырнадцати лет бежал на фронт. Попал он к красным. Ему повезло - командиром его эскадрона оказался интеллигентный человек - бывший казачий офицер. Вместе с ним в эскадроне служил бывший гусарский корнет Владимир Маковский, сын известного художника - жанровика.

Когда красные взяли Балашов и дядя поэта отыскивал своих сестер, которые остались в живых, мать Алшутова и его тетку Валентину, гусарский корнет испытал явную симпатию к будущей матери Александра Яковлевича, тогда еще старшекласснице.

В те зимние дни топили печи кизяком. Клава растапливала печку и при этом рассыпала на пол этот самый кизяк - самое калорийное топливо, которым располагала семья в ту самую зиму, когда ее отец и дед поэта умирал от голода и холода в Питере. Входя, Маковский собрал эти жалкие брикеты, как будто по полу избы были рассыпаны шоколадные плитки. Собрал их в охапку, и сделав мужской реверанс, по-гвардейски щелкнув при этом каблуками кавалерийских сапог и звякнув шпорами, протянул девушке топливо.

После гражданской войны Алексей Михайлович окончил Грозненский нефтяной институт. В городе Грозном застал конец Гражданской войны, куда и вызвал своих сестер.

После окончания института Алексей Михайлович стал крупным специалистом в нефтяной промышленности страны. К концу Великой Отечественной войны был управляющим треста «Челекнефтязакерит» в Туркмении. Общался с Аверелом Гариманом,

когда тот посещал СССР. А до этого поднимал «второй Баку» - нефтеносные площади Башкирии, Татарстана и Поволжья. На фронт его не взяли. Накануне Великой Отечественной он потерял в результате несчастного случая на охоте почти всю кисть правой руки. С тех пор Алексей Михайлович носил на правой руке специальный протез-перчатку. Что, впрочем, нисколько не мешало ему писать левой и так же отлично рисовать. Скончался Алексей Михайлович в 1957 году, в то время, когда поэт Алшутков проходил армейскую службу.

Ему, а главное своей матери Александр Яковлевич обязан бесконечной любовью к литературе и тому, что в незабвенные шестидесятые он активно участвовал в правозащитном движении, водил близкую дружбу с такими людьми, как Петр Ионович Якир, генерал Петр Григорьевич Григоренко, будущим тогда профессором-биологом Кэмбриджского университета Владимиром Константиновичем Булевским, и многими другими известными правозащитниками.

С пятого класса Александр Бейлин мечтал поступить в Институт востоковедения, но его жизнь сложилась иначе. Уже с середины восьмого класса средней школы, живя тогда с отцом на Сахалине, начался его путь по «морям и океанам». Начал он его матросом-уборщиком, что-то вроде юнги, на СРТ среднем рыболовном траулере. А со временем освоил мастерство морских профессий на промысловом флоте.

Учился в Мосрыбвузе имени А.И.Микояна, в том самом рыбном институте, куда так не хотел поступать симпатичный герой известной пьесы Виктора Розова.

Учился Александр Алшутков хорошо, осваивая специальность мамолога, изучал в основном морских млекопитающих: китов, моржей, тюленей и т.д. На ихтиологическом факультете читали свои курсы замечательные ученые биологи, так называемые вейсманисты и морганисты, попавшие под разгром стараниями Лысенко, генетики. Ученые оказались «безродными космополитами». Физику читал немец Кульман. Океанографию и гидрологию - итальянец Россолимо. Высшую математику, был на факультете и такой предмет, исключительно потому, что в своих путевых мемуарах «Путешествие на «Бигле»» Чарльз Дарвин истово жалел и сокрушался, что не знает высшей математики, преподавал Максим Исидорович Гуревич.

Александр не был комсомольцем, и поэтому обсуждали его «антиобщественное поведение» не на комсомольском собрании, а на общеинститутском профсоюзном только за то, что он пришел на выпускной вечер после какого-то курса в американском нейлоновом галстуке с изображением на нем тропических рыб. Этот злополучный

галстук поэт выменял у японских рыбаков, когда два судна - советское и японское - стояли борт к борту на рейде напротив Хакодате в Сунгарском проливе.

Не только этим запомнилась учеба в институте. Студент Бейлин, участвуя в научном студенческом обществе, написал неплохую работу, которая была даже выдвинута на соискание премии для студентов-биологов.

Но из института он ушел. Вместе со своим однокурсником Александром Виханским, который сейчас является одним из ведущих кинооператоров на монреальском телевидении в Канаде. В тот день, когда было принято решение, оба Александра вместе не пошли на лекции, а направились в любимую шашлычную у Никитских ворот. Съели по прекрасному шашлыку по-карски, запив мясо бутылкой гениального белого сухого вина из Армении «Раздаля». После чего направились в находящийся рядом кинотеатр, в котором давали в тот день отличную французскую ленту «Их было пятеро».

Хотя в институте была военная кафедра, где из них готовили офицеров запаса минной службы ВМС, Алшутова призвали в армию, но попал он не на флот, а в авиацию. С 1955 по 1958 годы летал воздушным стрелком и командиром огневых установок на тяжелом бомбардировщике ТУ - 4 копии до последних выпусков американской летающей крепости Б-29.

В 1958 году стихи солдата опубликовали в первый раз в жизни, и сразу в журнале «Юность», создателем и редактором которого в те годы был русский писатель Валентин Петрович Катаев. А разделом поэзии в журнале руководил Н.К.Старшинов. Позднее Старшинов познакомил Алшутова со своими учениками по литобъединению МГУ В.Костровым, О.Дмитриевым, Д.Сухаревым и другими. Еще познакомил с тогдашней своей женой поэтессой Юлией Друниной, с которой свела его судьба на фронте. Она была санитаркой и однажды вынесла Николая Старшинова из боя с простреленными ногами.

Вскоре после этого у Александра Алшутова одна за другой вышли большие подборки стихов в журналах «Смена» и «Физкультура и спорт». Тогда он, будучи шофером самосвала «МАЗ-205», строил юго-запад Москвы. Но вскоре снова уехал на ставший родным Сахалин. Стал ходить в море промысловыми экспедициями в Невельском управлении тралового флота от Камчатки до Канады. Вся его дальнейшая биография есть в его книгах стихов.

Впервые в «Литературной газете» стихи Алшутова опубликовал Булат Шалвович Окуджава, когда руководил там еще при Косолапове отделом поэзии. Позже, уже при А.Б.Чаковском, печатал его стихи и Юрий Панкратов.

В ту пору поэт Алшутув лично познакомился со многими замечательными людьми: поэтами и прозаиками, скульпторами и художниками, киношниками и журналистами...

В 1967 году в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» вышла в свет его первая книжная публикация на правах первой книги в коллективном сборнике «Шаги». Кроме этого, стихи поэта, его поэтические переводы, в том числе Эдуардаса Межелайтиса, Витаутаса Рудокаса, Хайме Хиль де Бьедма, Хулио Матеу, Сервишва Даял Саксена, Николаза Бараташвили печатались в периодике и книжных сборниках типа «Поэзия рабочих рук» в издательстве «Молодая гвардия», «Муза в красной косынке» в издательстве «Московский рабочий» и других, в журналах и газетах бывшего СССР на русском и языках национальных республик. Публиковались и публикуются до сих пор в Дальнем Зарубежье на русском и в переводах на иностранные языки, на польском, словенском, чешском, английском и французском, а также в США, ФРГ и Великобритании.

С 1976 года Александр Яковлевич Алшутув постоянно жил в Республике Коми. Снял на местном телевидении более десяти документальных кинолент в качестве сценариста, редактора или режиссера.

Песни, написанные на его стихи с композиторами В.Шаинским, И.Катаевым, А.Рыбниковым, А.Елькиным, В.Цикиной и другими, звучали по каналам Всесоюзного и зарубежного (Венгрия, Польша, США) радио и с телеэкранов, публиковались на звуковых страницах журнала «Кругозор» и в сборнике «Песни радио и кино», а также выходили на грампластинках фирмы «Мелодия» и других. Самую большую популярность не только в нашей стране, но и в США, с помощью Пита Сигтера, приобрела песня «Проходит кавалерия», написанная совместно с композитором Владимиром Шаинским.

Все эти сведения о жизни поэта и его семьи получены мною в долгих беседах с Александром Алшутовым, что-то он мне надиктовал при подготовке документов на выдвижение его кандидатуры от республики для присуждения Всероссийской литературной премии имени Булата Окуджавы, что-то почерпнуто мной из автобиографии поэта. Я посмел опубликовать их с согласия на то самого Александра Яковлевича.

«Я вернусь к вам каким-нибудь камнем. Или маленьким, хрупким цветком...», - писал поэт Александр Алшутув.

12 февраля 1999 года Александр Яковлевич скончался. Его похоронили на Краснозатонском кладбище Сыктывкара, недалеко от поселка Верхняя Максаковка, где он прожил свои последние годы.

Когда вскрывали пласт мерзлой земли, чтобы вырыть могилу, порвали десять цепей от пилы «Дружба». Рыли могилу почти семь часов писатель Владимир Федоров и несколько максаковских мужиков.

Ночью тело покойного лежало в холле максаковской музыкальной школы. Алшутов вел себя спокойно: не вскакивал, как обычно, не рычал стихов, не бегал всклокоченный, стуча суковатой палкой по полу... Всю ночь, дежуря у гроба, два художника и три поэта поминали его добрым словом и пили горькую за его честь... Тогда же у гроба я написал эти стихи, затем прочел их на похоронном митинге, опубликовал:

Я хочу, чтоб звучали стихи
в эту ночь, в этот день, в это утро,
чтоб от каждой каленой строки
так легко, а быть может, так трудно,

заходило дыхание людей,
и сердца их звучали правдивей...
Александр, отзовитесь, вы где?
мы стоим над твоею могилой.

Я не верю, что ты снизойдешь
в эту стылую, мерзлую землю.
Все мы знали, что ты не умрешь!
Я и нынче-то в это не верю.

Пусть ликует танцор на гробах,
подписавшийся под некрологом.
Будет он плодотворно и долго
после смерти Поэта в друзьях.

Он к могиле твоей подойдет,
горсть землицы испачкает руки.
Перед камерой лживо всплакнет
на плече хитромудрой подруги...

Кавалерия ж скачет твоя,
сейнер в море уходит за рыбой...
Будет пухом земля для тебя,
так недавно служившая дыбой!

Дорогой моему сердцу человек, литературовед Владимир Николаевич Демин, тоже ушедший трагически из жизни в этом же году, как-то заметил: «Вообще Александр Алшутлов любит кровь и плоть жизни, любит, когда человек возрождается за счет приобщения к вечным ценностям, добываемым из повседневности, когда вечные ценности остаются как глубины человеческого бытия...» Теперь уже нужно говорить: «любил...»

Незадолго до смерти Александр Яковлевич написал незабываемые, на мой взгляд, строки:

Домик мой становится утлым.
Принесу воды из колодца.
В темноте зимнего утра
Дрова звонко будут колотья.
Стихи редко ко мне приходят,
Написать бы успеть прозу!
Не балует здесь погода:
Сильно этой зимой морозит..
Захочу - растоплю печку.
Далеко мой родной город...
На том свете я вас встречу,
Потому что умру скоро.

Теперь его дом - небо...

Мало кто знает о происхождении литературного псевдонима Алшутлов. Если эту фамилию прочитать наоборот, то получится и горько, и шуточно: «Вот, ушла!». Это обо всех женщинах, которые ненароком задерживались около него - талантливого и буйного от переполнявшей его энергии, - только не о Вере, его жене перед людьми и Богом. От нее ушел он. И она закрыла ему глаза...

Стоит ли оплакивать поэтов? Нет, им надо завидовать!

Алшутлов прожил долгую бурную жизнь. Он оставил нам свои стихи. А стихи, настоящие стихи, никогда не умирают.

Канев А. Его душа рвалась на волю / Андрей Канев // Сыктывкар: литературный альманах. - Сыктывкар, 2000. - С.129-138

От Александра Алшутова я и вернулся поздно. Долго не мог в заснуть - кофе, которым угощал поэт, был крепким, а разговор с Александром Яковичем - словно заслон спокойствию в мыслях.

Годы назад, когда многие, очень многие из нас восхищались «соцреализмом» в культуре, и в то же время потихонечку зачитывались Солженицыным, Александр Яковлевич написал такие строки о русской поэзии:

Она
не спрашивая визы
и не выпрашивая прав,
идет
в век всевозможных физик
сквозь век физических расправ...

Думаю, ребята из «идеологического» управления КГБ СССР уже тогда, а может, и раньше, стали проявлять к поэту повышенный интерес. Не могли не проявлять, так как он входил в круг людей, которых называли диссидентами. В дальнейшем судьба разбросала их по тюрьмам и северным пересылкам, чуть позже десятки друзей с А.Алшутова оказались за рубежом страны, стали, как, например, Владимир Буковский, «диссидентами в законе».

А Александр Яковлевич к нам, на Север, приехал сам, и с насколько я понял, в течение всех 23 лет у него ни разу не возникала мысль «обменять» свою избушку в Максаковке на жилье в Лондоне или Париже, Тель-Авиве или Нью-Йорке. И конечно же не потому, что здесь лучше условия. А почему? Думаю, причины сможет назвать только тот человек, который разделяет мнение А.Алшутова:

Мы с тобой – занесенные
снегом.

Жили мы, не жалея себя,

не трясясь над деньгой

и талантом.

Нас с тобой разменяла

Судьба

на вот эти снежинки?..

Поэт ушел из бетонных коробок, чтобы быть ближе к природе, чувствовать ее извечное, мало зависящее от политики дыхание, стать Ее частичкой. И, наверное, это ему удалось.

Совсем недавно «келью» Александра Яковлевича посетил руководитель республики Юрий Спиридонов. Не знаю, о чем шел разговор за бутылкой сухого вина между политиком и поэтом. Могу только предположить, что интерес обоих друг к другу искренний. Вообще-то А.Алшутлов не может быть неинтересен: энциклопедические знания, помноженные на собственные категорические суждения о Добре и Справедливости, пронизательность, понимание человека, его слабостей - вызывают у собеседника поэта чувство доверия, желание услышать от Александра Яковлевича оценку тех или иных событий, явлений. И слышат: в книгах А.Алшутлова ответы на свои многочисленные вопросы найдут и рабочий, и доктор философии, и студент, и Глава республики. Не найти невозможно, так как через все творчество поэта проходит красной нитью вера в то, что «...Она придет, Большая Доброта».

Но было бы бессовестной ложью считать, что книги Александра Яковлевича призывают к долготерпению, ленивому ожиданию самостоятельного прихода Добра:

На перепутье двух дорог

внимательный и строгий,

не жди напутственных

даров.

Найди свою дорогу!

Найди...

Северянам повезло - рядом с ними творит современник: Большой Поэт, Мастер Слова, принципиально не желающий превращать свое творчество в ремесло, не стремящийся стать лауреатом различных государственных и прочих премий, никогда не замышлявший войти в историю культуры северной республики, избегающий посещений светских тусовок сыктывкарского бомонда. Вся эта суета не нужна Мастеру, умеющему через свои слова посылать людям импульс на совершенствование, на понимание того, что миром должны править Любовь и Добро, а не тесак и золото.

...От Александра Алшутова я вернулся поздно. Заснул лишь к

утру. Странный сон привиделся: стоит он, седобородый, в тельняшке своей старой, в большом дверном проеме. Дверь то ли церковная, то ли какого-то сияющего разными огнями ила. Стоит и вниз смотрит мудрыми, как у царя Соломона, глазами. А там, внизу, на какой-то серой лужайке, копошатся люди со знаменами, щебечут что-то про курс доллара, остервенело обсуждают шансы Ельцина и Зюганова на будущих выборах, кричат зло друг на друга. И у всех волчий оскал.

Проснулся я от того, что мне во сне до острой боли в сердце стало жаль самого себя и тех людей, которые с кулаками «дискутировали» на той серой лужайке. Включил ночник, и взгляд наткнулся на строки в раскрытой с вечера книге А. Алшутова:

*Как-то раз без озлобленной
Ругани
он растаял вот в этих дверях.
Он оставил в столе свою
рукопись.
Только кто-то ее потерял...*

Рукописи, конечно, не горят. Но иногда теряются, особенно в обществе, социальные контуры которого размыты, обществе, язык которого становится с каждым днем все больше и больше похожим на блатной жаргон, обществе, где чутко улавливают лишь звон монет, а не идущие из глубины веков стоны Человека, отдавшего свою жизнь за наши грехи, обществе, в котором вместо того, чтобы бороться со злом, его просто взвешивают на весах.

Глубокое по содержанию, прелестное по форме творчество Александра Яковлевича Алшутова, основанное на его особом душевном укладе, таланте и солнечной мудрости, актуально как никогда - потому, что помогает всем нам формировать в Республике Коми гражданское общество социальной справедливости. Будем за это благодарны Мастеру.

*Султанов О. «Она придет, большая доброта...» / Олег Султанов /
/ Панорама столицы. - 1998. - 27 авг.*

«Совесть и Бог – для меня едины»

На окраине поселка Верхняя Максаковка в маленьком домике, «падающем» в Сысольскую курью, живет, борясь с бытовой неустроенностью, Александр Алшутков - поэт и человек. Он прожил уже большую и разную жизнь. А стихи его переведены почти на два десятка

языков. Среди его друзей Эрнст Неизвестный, Владимир Буковский, Юз Алешковский, Олег Целков. И еще многие-многие другие, которых нынче называют «жемчужинами» русского зарубежья. В советские времена называли их совсем иначе...

Показательно, что Александр Атшутлов приехал в нашу республику около двадцати лет назад, не в чем-нибудь, а в пальто, перешитом из шинели с плеча его старшего друга, опального генерала, правозащитника Петра Григоренко. Предлагаю вниманию читателей одну из последних наших бесед.

- Александр Яковлевич, о чем ты пишешь сейчас?

- Я всю жизнь пишу одну и ту же книгу – о себе, о времени. Это разговор между жизнью и смертью человека. Если говорить конкретно, то я давно задумал книгу стихов под общим названием: «Стихи о больших вещах». Меня часто упрекают в репортажности, что у меня мало лирики. Но ведь вся поэзия – это лирика. Даже когда поэт пишет лирический репортаж. Говорят: «Нужно больше самовыражения!». А ведь для того, чтобы этим заниматься, нужно, чтобы было что выражать! Свою внутреннюю суть, как это было у Маяковского, у Байрона, Пушкина. У нас же сплошь и рядом – маленькие люди, не ставшие личностями, пытаются разобраться в своих мелких сексуально-подогретых чувствах и думают, что это – лирика! Или пишут формальные стихи о Родине – как падают листочки, как они любят лес, небо. И думают, что это патриотические стихи о Родине! Можно через стихотворение, порой, репортажное, быть большим лириком и гражданином, чем говоря «в лоб» об этих вещах.

Так книга, которую я задумал, может оказаться последней моей книгой. Мне уже немало лет, через год будет шестьдесят. Быть старым литературным импотентом и насиловать издательства бездарными стихами, как делают очень многие, в том числе и живущие в нашей республике сейчас «старички от литературы», я не могу. У нас сложилось какое-то странное мнение, что в каждой области должен быть писатель! Извините, но уже слишком много областей на территории великой России и слишком мало писателей рождается каждый год, чтобы так было. Даже если в нашей стране будет рождаться в год по пять писателей – это будет многовато. Я редко общаюсь с людьми, которые живут в нашей республике и считают себя писателями. На самом деле, настоящих-то писателей у нас мало. Я с теплыми, добрыми чувствами отношусь ко Льву Смоленцеву, Ивану Торопову. А из поэтов, честно говоря, и не знаю к кому. Поэтов нынче очень мало, а графоманов, увы, хватает.

- Как человеку, которого уже привыкли называть «шестидесятником», видится окружающий мир?

- Слово «шестидесятник» теперь начинает меня коробить, потому что в то время называли «шестидесятниками» людей, заслуживших это название, участвовавших в правозащитном движении, к которым я смею причислить и себя.

Теперь же «шестидесятниками» называют людей, объединенных, зачастую, только возрастом, в большинстве своем не причастных к этому явлению общественной жизни тех лет, а наоборот – верно служивших режиму в желтых советских газетах, начиная от «Литературки» того времени. Вместе с тем следует помнить, что в этих газетах работали и глубоко порядочные люди, как тот же Булат Окуджава, он заведовал там одно время отделом поэзии. Я ему очень благодарен, он помог тогда напечатать в ней мои стихи. И вообще я очень люблю Булата, как поэта, как прозаика, как драматурга. В тот период, кстати, был очень большой подъем отечественной литературы. И не только российской, но и литературы союзных республик. К примеру, тогда «открылся» в Казахстане Олжас Сулейменов. В наше время я не наблюдаю такого подъема, хотя кажется, что времена нынче более благоприятные, чем, скажем, хрущевская «оттепель». Видимо, это закономерно, потому, что литература во всех странах мира не такая, как у нас испокон веков. У нас поэт в любые времена или придворный, или бунтарь.

Меняется все в декларациях, на бумаге, а жизнь продолжает страдать прежними недугами. Те же люди, боровшиеся некогда за торжество социализма, теперь переключились на борьбу за торжество рыночной экономики.

На мир я смотрю теми же глазами, что и раньше, стараюсь анализировать. И обычно мои предсказания сбываются. Я живу в истории, мыслю движение времени, как движение истории, а не смену листиков календаря.

- Что первично – то, что в руках, или то, что за душой?

- Конечно же то, что у тебя за Душой. Еще Генри Торо в своей прекрасной книге «Озеро Уолден» говорил, что человек богат не тем, что у него есть, а тем, без чего он не может обойтись. Устремление к вещизму, которое закономерно властвует в душе пост-советского человека, вполне объяснимо! Его же постоянно чего-нибудь лишали. А разве не имеют право жить не хуже других людей на планете наши женщины и наши мужики? Но все же главное – это не хлеб земной, а хлеб небесный. Я внутренне очень верующий человек. И в данном случае мои взгляды не расходятся со взглядами древнехристианской церкви.

- Куда теперь ты держишь путь?

- Все мы держим путь от рождения к могиле. Середину жизни я

перешагнул и отношусь к этому достаточно спокойно. Мне хочется успеть написать хорошую, добротную книгу стихов, пару хороших пьес. Я считаю, что пьесы – это очень хороший жанр, вечный. Недаром древние греки, римляне ставили его на первое место. Хотелось бы написать и прозу, но для меня это труднее. Она требует длительного отрыва от окружающего мира, ее надо писать с начала и до конца, ее трудно писать урывками. Надо войти в определенное состояние и писать постоянно. Увы, пока жизнь моя складывается так, что я не могу позволить себе такой роскоши. Но все же мне хочется, что Бог даст, я напишу книгу прозы. У меня есть большие прозаические куски, заготовки. Хотелось бы активно поработать, в то же время, и в публицистике. То, что печатается в наших газетах, – это все-таки не публицистика.

Знаешь... мне еще хочется дожить эту жизнь достойно! Каждый человек имеет какие-то обязательства внутренние перед близкими людьми, родными. Их нельзя покидать внезапно, это непорядочно. В общем-то, это здоровые мысли, желания нормального человека. И неважно, чем он в жизни занимается.

- Александр Яковлевич, я знаю, ты крещеный, а посему спрашиваю: все ли дороги ведут к храму?

- Конечно же, нет. Очень часто люди, считают себя очень набожными, обладающие церковную обрядность, вовсе не являются истинными христианами. Мне ближе из всех религиозных философов Николай Бердяев. Мне кажется, если бы сейчас появился человек, высказавший подобные взгляды, только в контексте нашего времени, то его, наверное, отлучили бы от церкви. Обвинили бы в ереси. Видимо, я не одинок в своих убеждениях. Я встречал очень много по-настоящему религиозных людей, которые веруют именно так, не соблюдая обрядности, ведут праведную жизнь. Они люди божеские, на мой взгляд, хотя и занимаются ядерной физикой.

- Значит, главное в этой жизни – Совесть?

- Безусловно! Совесть – это и есть Бог. Бог внутри каждого из нас. То, что тебе не позволяет совершать зло, – это и есть Бог, в которого ты веруешь. Вера – всегда нравственный подвиг, пусть и не заметный для окружающих.

Когда ты отказываешься во имя нравственных убеждений от того, что тебе очень хочется, когда ты не поступаешь так, как не надо поступать, хотя тебе это ничем не грозит с точки зрения современной морали – вот это и есть Совесть. Совесть и Бог – это для меня едино.

Федоров В. «Совесть и Бог для меня едины / В. Федоров // Республика. - 1994. - 30 сент.

Занесенные снегом

Каким ветром занесло его в наши места - не знаю. То ли ни разу не поинтересовался, то ли спрашивал, да забыл, посчитав неважным. Только закончились дни Александра Алшутова (1935-1999) - в его маленьком деревянном домике, занесенном снегами Коми, на самом краю бывшего поселка немецких военнопленных Максаковка. Правительство северного края, не больно-то балуя при жизни, почтило его надгробным памятником. Не оставлена и семья поэта. Сразу по смерти Александра Яковлевича Бейлина (такова паспортная фамилия) его жена и дочь смогли переселиться в городскую благоустроенную квартиру. В местной печати появляются статьи о нем, о его творчестве. Так что в Коми поэта помнят. А вот Москва, где он родился и где некогда имел шумную славу (особенно хорошо принимался в ресторанах, где в шестидесятых постоянно исполняли песню Шаинского «Проходит кавалерия» на его стихи; об этом рассказывал не сам Александр, а было написано в чьих-то - точно не помню – воспоминаниях о том времени), Москва нынешняя - рискует потерять память о своем поэте. Поэтому и пишу.

Честно говоря, видя за колоритной фигурой Алшутова почти классический образец «поэта по жизни», к самим его стихотворным вещам - относился я без восторга: другая школа, другой вкус, другое чувство меры. Собственно, само слово «мера» - к нему - ну никак не подходит. Здоровенный крепкий мужик с седой гривой матерого льва, с такой же бородой и с таким же львиным рыкающим голосом, он за такие в его отношении слова и скандалом мог бы ответить. И был бы прав: характер его - из тех, какие принято называть словом «неуёмный».

Стихотворная же манера, повторяю, мне часто не нравилась: ассонансы вместо строгой рифмы, разорванный, как будто неряшливый, ритм - словом, чересчур много обыкновенного жизнелюбивого здоровья, далекого от пиитических рефлексий. Все это мешало моему сочувственному восприятию, часто порождая и холодное недоумение: зачем вообще о том и том-то – писать, есть ли это предмет поэзии? Ну – «я мыл до блеска МАЗу рыло...», ну – «я до сих пор прекрасно помню / тот мясорыбный магазин...»...

Однако выбор в поэзии - у каждого свой. Одни становятся поэтами, потому что ничего иного в жизни своей делать не могут, просто не умеют (и это не в укор – значит, им так определено). Алшутову было дано мочь - многое. Сама муза его была такова, что прямо-таки требовала от поэта испытать на себе многие земные роли и профессии. От стрелка-радиста на боевом самолете и участника океанской экспедиции на рыболовном

сейнере до сугубо мирной – заведующего районной библиотекой. Как поэт он не писал гимны профессиям, но земные труды оживали в его строках, и стихи (порой грубоватые, близкие не каждому эстету) сами становились чем-то материальным, со своим дыханием, своей кровью, своей жизнью. А обилие материи в стихах - это уже немало.

Он числился в диссидентах. Это, думаю, по ошибке. Диссидентским был круг его друзей - от правозащитника математика Револьта Ивановича Пименова и его жены Вилены Анатольевны, оказавшихся в Сыктывкаре в ссылке, до знакомых еще по молодости - того же Юза Алешковского. Это верно. Его круг и не мог быть иным. Очевидно, больше всего в нашей жизни Алшутова не устраивали, тяготили именно границы, причем любые, не говоря уж о пресловутом «железном занавесе».

И все же смею предположить, что в его всегдашней оппозиции к властям (в одном из интервью он говорил, что поэт может быть либо опальным, либо придворным - иного он не принимал) было не столько сопротивление гражданина, исповедующего иные, нежели у власть предержащих, взгляды, сколько неприятие их всей своей личностью, видящей за той или иной официозностью не одну только социальную нелепость (хотя и это - в большой мере), но и попросту неуважение - не к «правам человека», а к человеку как таковому, к человеку, рожденному свободным и для свободы. Это было сопротивление не диссидента, но пожизненного романтика. И не политических свобод ему не хватало, а вольного воздуха. Не хватало - особенно во второй половине земного пути - дорог, встреч, простора для приложения своих сил. Не хватало - живого человека.

Хотя верные ему люди - были и здесь, в Коми. Кто-то может написать о нем и предметнее, и душевнее. Я-то виделся с поэтом редко, так, единичные встречи, визиты. Когда довелось побывать у Яковлевича последний раз, хотя сам хозяин, оставаясь гостеприимным, себе лишней воли не давал, я, кажется, слегка перебрал, так что грешным делом и не помню, как мы с товарищами тогда расходились - уезжали. На следующий день обнаружил в кармане книжечку с дарственной надписью. Это был последний при жизни сборник Александра Алшутова. Назывался он «Последние слоны Ганнибала».

Как и прежде, были в нем стихи, вызывающие сомнение (у меня) из-за недостаточной (для меня) «дисциплинированности» их формы (мощное по историческим масштабам содержание - для меня дело второе). Но появилось в них и нечто, на сей раз глубоко тронувшее. Предчувствие прощания - вот как это называется.

...В феврале 99-го его хоронили неизвестные Москве сыктывкарские

литераторы (все, кстати, из другого, не «его.. писательского союза - по взглядам, по симпатиям, по знакомствам он примыкал к группе «Апрель», вот только оформить членство в Союзе российских писателей, кажется, так и не успел), хотя в круге его воспоминаний о бывших встречах и дружбах - имена все прославленные.

Всю жизнь он мечтал о свободе, в частности, о свободе от государственных границ, а доживать век довелось, даже не приблизившись к ним, в глухой - по его прежним масштабам - провинции. «Мы с тобой - занесенные снегом», - это в стихах, посвященных жене Вере.

Иногда было заметно, что против положения его как поэта и человека, вдруг ставшего забытым некогда наполнявшими его пространством и временем, бунтуют в нем - даже и во взаимном борении - сразу две крови: жизнелюбивая кровь потомка древних иудеев и гордая кровь русской дворянской аристократии. С такой внутри себя борьбой он и шел по жизни.

Когда же душа его отошла, панихиду по нему служил пастор местной лютеранской церкви. Молитва за упокой русского поэта читалась на немецком языке. Душа его более не была стеснена государственными границами. И никакими другими земными пределами - тоже. Ведь снег, он заносит не только человеческие судьбы, но и уготованные для них границы.

Цивунин В. Занесенные снегом / В. Цивунин // Арион. - 2003. - №4. - С. 38 - 40

заходилось дыхание людей,
и сердца их звучали правдивей...
Александр, отзовитесь, вы где?
мы стоим над твоею могилой.
Я не верю, что ты снизойдешь
в эту стылую, мерзлую землю.
Все мы знали, что ты не умрешь!
Я и нынче-то в это не верю.

Пусть ликует танцор на гробах,
подписавшийся под некрологом.
Будет он плодотворно и долго
после смерти Поэта в друзьях.
Он к могиле твоей подойдет,
горсть землицы испачкает руки.
Перед камерой лживо всплакнет
на плече хитромудрой подруги...

Кавалерия ж скачет твоя,
сейнер в море уходит за рыбой...
Будет пухом земля для тебя,
так недавно служившая дыбой!

ВЛАДИМИР ОЛОФИНСКИЙ

Александр Ашутову

I

Хотел домой вернуться
И печку истопить.
Потом набрать водицы,
Присесть и покурить.
Затем напиться чая,
Газеты полистать,
Совет поведать дочке,
Прилечь и помечтать.
Друзей внезапных встретить
И вспомнить об иных.
И за хороших выпить,
И выпить за плохих...

Но так и не вернется
Он больше никогда.
«Алшутов - остается,
А жизнь-то - вот ушла»...

II

А жизнь казалась длинной и прекрасной,
Кругом друзья, любимая жена...
Пусть денег нет. Я дом еще построю.
Что дом? Обычные, текущие дела.
Зачем нам паспорт, если потерялся.
Там герб другой и старая страна.
И кто-то молодой... И он, не прописался.
Кому он нужен в стороне глухой.
Как непонятно он сюда приехал,
Объездив эту странную страну,
И как вчера он непонятно умер,
Как нехотя он обманул судьбу.
Теперь лежит в чужом холодном доме,
А на погосте жилы рвет пила,
И матом кроют пьяные ребята,
Их здорово достала мерзлота.
Последний путь - последняя страница
О том, как жил, как будто был в погоне...
Не мог он в Максаковке народиться,
Не похоронен, значит, и в Затоне.
Поэты живы, им нужна дорога,
А кто устал, пусть отдохнет немного.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ
Александр Алшутову

...и старость – радостна, если
Пространство замкнуто на волю;
А представление о чести
Оплачено годами, даже больше:
Эпохами, вселенными в года.
Ни немощь рук не потревожит,
Ни слепота,
Ни сердце, защищенное лишь кожей!...

В душе потемок – нет!
Там зримый – для немногих – город,
Где каждый камень источает свет...
...и Бога голос.

*СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
АЛШУТОВА АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА*

Список литературы о нем :

Александр Алшутлов выдвинут на соискание премии имени Б.Ш.
Окуджавы // Молодежь Севера. – 1998. – 6 авг.

Александрова М. «Было много нас – стало мало...» / М. Александрова
// Дым Отечества. – 2001. – 21 апр.

Алшутлов Александр Яковлевич : (6 апр. 1935 г. – 12 февр.1999 г.)
// Литераторы земли Коми: Биобиблиографический словарь-справочник
/ В.М. Мартынов. – Сыктывкар, 2000. – С. 11 - 12.

Алшутлов Александр Яковлевич: (Краткая биогр. справка) // Последние
слоны Ганнибала. – СПб, 1997. – С. 32.

Алшутлов Александр Яковлевич: Краткая биогр. справка // Северный
автограф. – Сыктывкар, 1986. – С. 140.

Артеев А. «Он не умер, он немножко задремал»: Накануне вечера памяти
Александра Алшутлова неожиданно пошли его наручные часы... / А. Артеев
// Молодежь Севера. – 2002. – 14 февр.

Батшев В. «Погода на завтра»: [телевизионный документальный фильм
А.Алшутлова о людях гидрометеостанции Верхний Шугор] / В. Батшев
// Красное знамя. – 1978. – 18 янв.

Блинов В. Страсть и доброта / В. Блинов // Красное знамя. – 1981. – 7 марта.

Бобраков И. “Откуда знать вам, кем я был когда-то?! Я был горячим сердцем
парохода...” : [поэт А.Алшутлов – о времени, о друзьях, о себе] / И. Бобраков
// Молодежь Севера. – 1993. – 19 нояб.

Демин В. Алшутлов Александр Яковлевич (1935 г. – 12. П. 1999 г.) / В.Демин
// Писатели Коми : Биобиблиографический словарь. Т.1. А - Л. – Сыктывкар,
1996. – С. 12 – 15.

Его душа рвалась на волю // Лирических признаний многострочье: лит.
критика / Андрей Канев. – Сыктывкар. – 2001. – С. 44-57.

«Занесенный снегом» : [А.Алшутков] // Республика. – 1995. – 6 апр.

Захватин Б. Возвращение Алшуткова : О творчестве поэта / Б. Захватин // Искра. – 1990. – 6 янв.

Канев А. Вот, ушла ! Жизнь: О жизни и смерти А.Я.Алшуткова / А. Канев // Трибуна. – 1999. – 19 февр.

Канев А. Его душа рвалась на волю: [о жизни и творчестве поэта Александра Алшуткова] / А. Канев // Сыктывкар: Литературный альманах. – Сыктывкар, 2000. - С.129 – 138.

Канев А. Памяти А. Алшуткова / А. Канев // Красное знамя. – 1999. – 23 февр.

Мартынов В. Сыктывкарбердса сиктын олысь поэт = Поэт, живущий в селе около Сыктывкара : [о А.Я.Алшуткове] / В. Мартынов // Йолога. – 1995 . - № 20 (май).

Мельникова Н. Компас в книжном мире: [А. Алшутков – библиотекарь филиала № 2 п.В.Максаковка] / Н. Мельникова // Крас. знамя. – 1987. – 17 нояб.

Непримиримый поэт: Под Сыктывкаром открыт памятник А.Алшуткову // Молодежь Севера. - 2002. – 14 нояб.

Олофинский В. Пиджак поэта : [памяти поэта] / Ю. Олофинский // Сыктывкар: литературный альманах. – Сыктывкар, 2003. – С. 29 - 30.

Саратовский Ю. Занесенный снегом Максаковки / Ю. Саратовский // Вечерний Сыктывкар. – 1996. – 13 авг.

Саратовский Ю. Ссылный север: [Республика Коми как место ссылки: о Н.Довженко, Б.Першине, В.Ронкине, Р.И.Пименове, А.Я.Алшуткове, Ю.Косыгине и др.] / Ю. Саратовский // Вечерний Сыктывкар. – 1997. – 21 февр.

Султанов О. Алшутков (Бейлин) Александр Яковлевич. 06.04.1935 – 12.02.1999 г.г. / О. Султанов // Культура. – 2005. - № 3 - 4. – С. 4 – 5.

Султанов О. “Она придет, большая доброта...” : [А.Алшутков. О его творчестве] / О. Султанов // Панорама столицы. – 1998. – 27 авг.

Федоров В. Последний “слон” Ганнибала : [памяти поэта А.Алшутова] / В. Федоров // Республика. – 1999. – 16 февр.; Комсомольская правда в Республике Коми. – 1999. – 12 февр.

Федоров В. “Совесть и бог для меня едины”: [Беседа с поэтом А. Алшутовым о себе, о времени] / В. Федоров // Республика. – 1994. – 30 сент.

Цивунин В. Занесенные снегом / В. Цивунин // Арион. – 2003. - № 4. – С. 38 – 40.

Ширяев С. Поэту от непозта : Ответ г-ну А.Алшутову на публикацию в газете “Республика”/ С. Ширяев // Вечерний Сыктывкар. – 1994. – 7 дек.

Щербинина М. Через три года после смерти на могиле поэта установлен памятник / М. Щербинина // Республика. – 2002. – 12 нояб.

Произведения А.Алшутова :

Алшутов А. Занесенные снегом: кн. стихов / А. Алшутов; худож. В. Б. Осипов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. – 126 с.

Алшутов А.Я. Затяжной прыжок: кн. стихов / А.Я. Алшутов – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 112 с.

Алшутов А. Последние слоны Ганнибала: стили / А. Я. Алшутов. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. - 112 с.

Алшутов А. Север и Восток: стихи / А. Алшутов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 96 с.

—

Алшутов А. Баллада о кавалерии / А. Алшутов // Красное знамя. – 2000. – 11 февр.

Алшутов А. Баллада об оленьем батальоне / А. Алшутов // Красное знамя. – 1978. – 26 февр.

Алшутов А. Занесенные снегом: стихи / А. Алшутов // Республика. – 1995. – 6 апр.

Алшутув А. Ироническая поэзия: «Пришел вчера один ко мне...»; «Луцкий Сергей Катилина...»; По поводу / А.Алшутув // Панорама столицы. - 1998. - 24 сент.

Алшутув А. Исповедь паровозного котла: стихи [Посвящ. Р.И.Пименову] / А. Алшутув // Молодежь Севера. – 1988. – 3 окт.; Арион. – 2003. - № 4. – С. 40 – 41.

Алшутув А. Кораяс батальон йылысь баллада = Баллада о батальоне на оленях / А.Алшутув; пер. С. Попов // Войвыв кодзув. – 1974. - №7. – С.22.

Алшутув А. Лыдина; «Взять пистолет и в сердце выстрелить»; Памяти Игоря Талькова: стихи / А. Алшутув // Республика. – 1994. – 30 сент.

Алшутув А. «Не поднимайте топор на березу!» / А. Алшутув // Красное знамя. – 1982. – 17 июля.

Алшутув А. «Ну, открой же мне, Господи Праведный...»; «Покоится где-то на месте...»; «Домик мой становится утлым...»; «Взять пистолет и в сердце выстрелить...»; Читая Иосифа Флавия: стихи / А. Алшутув // Выбор: Литературный альманах. – Сыктывкар, 1999. – С. 42 - 46.

Алшутув А. Последние слоны Ганнибала; «Березняк не может быть дремучим...»; «Помнишь стихи у Назыма Хикмета...»; «На перепутье двух дорог...»; «Как все-таки трудно быть цезарем...»; «Как берется поэт за работу?...»; «Я хочу гусей веселых, крутогрудых...»; «Я вернусь к вам каким-нибудь камнем...»: Стихи / А. Ашутув // Открытая дверь: Литературный альманах. – Сыктывкар, 1997. – С. 163 -167; Слово. – 1996. – 24 сент.

Алшутув А. «Ребенок начинает говорить...»; Случай: стихи / А. Алшутув // Красное знамя. – 1986. – 16 авг.

Алшутув А.Я. «Снежок заносит в белый стих...»; «И Пушкин был невыездным поэтом...»; «По поводу»; «Когда он был еще во власти сна...»; Акварель; «Пришел вчера один ко мне...»; «Когда ты проиграл войну...»; «Читая Иосифа Флавия» [Владимиру Федорову]; “Домик мой становится утлым...”: стихи / А.Я.Алшутув // Республика. – 1995. – 10 марта.

Алшутув А. Утро на патриарших прудах / А. Алшутув // Молодежь Севера. – 1981. – 25 окт.

Статьи, которые написал А.Алшутлов :

Алшутлов А. Безбрежные возможности в берегах любительщины : [Рец. на книгу Берега : Альманах. – Сыктывкар, 1996] / А. Алшутлов // Республика. – 1997. – 6 февр.

Алшутлов А. Занесенные снегом / А. Алшутлов // Республика. – 1995. – 6 апр.

Алшутлов А. Зимние киносъемки: [о ректоре Сыктывкарского университета, докторе географических наук, профессоре В.А. Витязевой] / А. Алшутлов // Лично причастны. – Сыктывкар, 1981. – С.133 - 150.

Алшутлов А. Оставайся, мальчик с нами: [полем. заметки поэта о Русском Доме в Сыктывкаре, о литературной мастерской, функционирующей при Доме] / А. Алшутлов // Республика. – 1994. – 5 нояб.

Алшутлов А. Остановись мгновенье!: Заметки с третьей республиканской выставки фотолюбителей / А. Алшутлов // Красное знамя. – 1977. – 14 дек.

Алшутлов А. “Откуда знать вам, кем я был когда-то?! Я был горячим сердцем парохода...”: поэт А. Алшутлов о времени, о друзьях, о себе / А. Алшутлов; записал И. Бобраков // Молодежь Севера. – 1993. – 13 нояб.

Алшутлов А. «Пока не требует поэта...»: [Обзор стихов начинающих поэтов] / А. Алшутлов // Молодежь Севера. – 1980. – 21 дек.

Алшутлов А. Станет ли Коми вновь регионом «русского шелка»? : [проблемы льноводства в РК] / А. Алшутлов // Регион. – 1997. - № 1. – С. 14. – (на обл. № 6)

Алшутлов А. Тридцать лет спустя: [о сотрудничестве с композитором В.Я. Шаинским] / А. Алшутлов // Красное знамя. – 1980. – 4 июля.

Рецензии :

Алшутлов А. Последние слоны Ганнибала / А. Алшутлов. - Сыктывкар: Коми кн. изд - во, 1987. - 112 с.

Рец. : Канев А. Последние слоны Александра Алшутлова / А. Канев // Городские ведомости. – 1998. – 12 марта.

Алшутлов А.Я. Север и Восток: стихи / А.Я. Алшутлов – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 95 с.

Рец. : Блинов В. Страсть и доброта / В. Блинов. – Красное знамя. – 1981. – 7 марта;

Скоробогатько В. Горизонты / В. Скоробогатько – Молодежь Севера. – 1981. – 25 февр.

Алшутлов А. – составитель, переводчик:

Гамма стихи / сост. Ал. Алшутлов. - Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 176 с., портр.

Гринер В.С. Выше полярного круга: повести, очерки / В.С. Гринер; послесл. А.Алшутлова; худож. В.С. Порохня. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 206 с., ил.

Канев А.А. Над обрывом: стихи / А. Канев; сост. А.С. Клейн; вступ. ст. А. Алшутлова. – Сыктывкар: ТО «Лист», 2000. – 112 с.

Некрасов А. Коми язык; «Пока я сделал мало...» / А. Некрасов; пер. А.Алшутлов. – Молодежь Севера. – 1979. – 14 янв.; Красное знамя. – 1979. – 5 авг.

Некрасов А. Красные обелиски / А.Некрасов; пер. с коми А. Алшутлов // Красное знамя. – 1978. – 12 февр.; Югид туй. – 1978. – 9 мая.

Некрасов А. «Нет, я войны не видел...»: стихи / А.Некрасов; пер. с коми А. Алшутлов // Молодежь Севера. – 1981. – 27 сент.

Некрасов А. Охотничья лодка: стихи / А. Некрасов; пер. А. Алшутлов // Молодежь Севера. – 1979. – 26 окт.

Попов В. Егорьев день / В. Попов; пер. с коми А. Алшутлов // Красное знамя. – 1981. – 4 июля.

Савин В. Красный звон / В.Савин; пер. с коми А.Алшутлов // Север. – 1987. - № 11. – С. 11.

Савин В.А. На будущее / В. А. Савин; пер. с коми Ал. Алшутлов // Молодежь Севера. – 1980. – 25 апр.

Столповский А.М. Про Кешу, рядового Князя: Повесть / П. Столповский; послесл. А. Алшутова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 221 с., ил.

Тимин В. «Когда выходишь в путь...» / В. Тимин; пер. с коми А. Алшутов // Красное знамя. – 1981. – 8 апр.

Тимин В. Патефон / В. Тимин; пер. с коми А. Алшутов // Красное знамя. – 1981. – 7 марта; Дружба народов. – 1981. - № 8. – С. 96.

Тимин В. Старая лошадь; Эдвард Григ / В. Тимин; пер. А. Алшутов // Молодежь Севера. – 1979. – 23 дек.

Тимин В. Эдвард Григ / В. Тимин; пер. с коми А. Алшутов // Молодежь Севера. – 1981. – 6 сент.

Стихи, посвященные А. Алшутову:

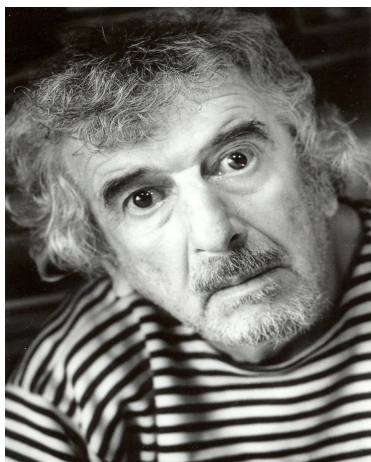
Журавлев С. Вольный сонет «чернокнижнику» Алшутову: стихи / С. Журавлев // Панорама столицы. – 2006. – 2 февр.

Канев А. Я хочу, чтоб звучали стихи...: стихи / А. Канев // Крас. знамя. – 1994. – 23 февр. – Памяти А. Алшутова.

Олофинский В. “Хотел домой вернуться...”: стихи [Александру Алшутову] / В. Олофинский // Сыктывкар: Литературный альманах. – Сыктывкар, 2001. – С. 244 - 245.

Федоров В. Александру Алшутову / Владимир Федоров // Под небом из бересты: стихи. – Сыктывкар, 1999. – С. 53

Мгновения жизни

Лето 1998 год

У времянки Алшутов с
женой и дочерью
1984 год

На природе с женой и
собакой

Алшутков с режиссером
С.Стойновым
над работой фильма
«Дом над обрывом»
1987 год

Выступление Алшуткова
у Вечного огня

«Литературный ринг»
в Центральной городской
библиотеке.
Алшутков с дочерью
1987 год

Уголок, посвященный
А.Алшутову в СГУ

Портрет А.Алшутова.
Художник Геннадий Дмитриев

Жена Вера Владимировна
возле портрета А.Алшутова.
Художник Г.Дмитриев

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей.....	2
Портрет и краткая биографическая справка.....	3
Автобиография.....	4 - 11
Стихи Ал.Алшутова.....	12 - 33
Статьи, посвященные жизни и творчеству Ал. Алшутову.....	34 - 55
Стихи об Ал. Алшутове.....	56 - 59
Список литературы о жизни и творчестве Ал. Алшутове.....	60 - 66
Мгновения жизни (фото).....	67 - 69

Контактная информация
Адрес: 167000 Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 78
Центральная городская библиотека
Телефоны: 24-15-46, 44-19-49
e-mail: cbss@rol.ru